

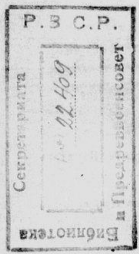
~~508~~
~~41~~

0 $\frac{51}{147}$

$\frac{801-11}{484}$

d

ПУТЬ СЕВАСТОПОЛЬЦЕВЪ.

СОЧИНЕНИЕ

В. Кожрева.

МОСКВА.

Типография Александра Семенова,
на Мясницкой улицѣ.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 30 Марта 1858 года.

Цензоръ Н. Фоль-Крузе.

2007083326

(изъ Русской Бесѣды Москва 1858 г. № 1.)

ПУТЬ СЕВАСТОПОЛЬЦЕВЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

С. А. ХРУЛЕВУ (1).

(ВМѢСТО ПРЕДСЛОВА.)

Появляющийся теперь въ печати разсказъ написанъ 20 мѣсяцевъ тому назадъ. Онъ не могъ явиться своевременно по такимъ причинамъ, о конхъ разсказывать скучно, а читать еще скучнѣй.

Теперь разсказъ этотъ на столько вылежался, что онъ безъ большаго затрудненія является на типографскій станокъ. Я его печатаю, какъ дагерротипъ мыслей и взглядовъ того времени, въ которое писалъ разсказъ.

Все выраженное здѣсь вѣспоминалось и сказалось во время вступленія защитниковъ Севастополя въ сердце Россіи — Москву; конечно, тутъ высказана только развѣ сотая часть того, что намъ уяснила глубокая дума о военныхъ событіяхъ. Мы обращаемся теперь къ особому труду, выискавъ изъ книги: Русская жизнь.

Изъ такихъ выписокъ составленъ «Путь Севастопольцевъ».

Въ картинѣ человѣческой жизни, подобно тому, какъ и во всякой древней художественной картинѣ, тогда только можно достигнуть исправленія и увидѣть новыя красоты и дальніе планы, когда будетъ обнаружено и выяснено все то, что сгладила и затемнила пыль и копоть. Таково было побужденіе при изложеніи не сочиненія, а событій, подсказанныхъ памятью сердца. Скажу словами внутренняго убѣжденія: задача рѣшалась благонамѣренно, но безъ письменной архитектуры и на столько при томъ ошибочно, на сколько болѣе или менѣе ошибочны вѣ наши однуумы.

(1) Письмо, при которомъ посвящается эта статья, хотя и написано, но заведенному порядку, но оно еще не достаточно вылежалось. Я печатаю его вънослѣствіи.

В. К.

Общее горе — не горе.

Пословица.

Давно, почти одновременно съ образованіемъ Черноморскаго флота, главная изъ Севастопольскихъ пристаней названа Екатерининскою. Пристань эта — знаменательна тѣмъ, что все находившіеся въ Севастополѣ моряки имѣли обыкновеніе сходить на ней каждый день и разсуждать тутъ объ обязанностяхъ честной службы моряка и вообще человѣческихъ. Съ пристани видѣлся состоящій вдаль флотъ. Общіе взоры слѣдили за тѣмъ, какъ спущены и подняты дражъ-реи, какъ одни корабли снимаются съ якоря и идутъ въ море и какъ другіе становятся на якорь. Все дѣлалось на корабляхъ живо и отчетливо, все одушевлялось желаніемъ получить одобреніе отъ своихъ собратьевъ. Всякую морскую опытность, всякую ученость, даже успѣхъ по службѣ надлежало утверждать еще одобреніемъ общаго мнѣнія. Судь пристани вникала въ каждодневную жизнь всякаго: получить похвалу на ней значило быть отличнымъ, не только въ дѣйствіяхъ, но и въ намѣреніяхъ. Здѣсь все познавали себя, душа у всехъ была на распашку, и ясно становилось кто къ чему способенъ; а знаніе душевной неподлеки всякаго спасало отъ несообразнаго выбора людей на открывшіяся должности и развивало во всехъ духъ чести, безкорыстія и рвенія къ пользѣ общей.

Мѣсто сходяща росло въ объемѣ и значеніи.

Гроза и отрадна была спасительная пристань, дружно стремились къ ней умъ и горячая любовь къ отечеству, не боясь пренонъ и укширеній, производимыхъ всегда лукавою бездарностію, которая и издали не смѣла подходить. Въ главѣ общей оцѣнки способностей стояли сначала Грейгъ, а потомъ Лазаревъ, — оба они поддерживали силу общаго вліянія на дѣла уваженіемъ къ мнѣнію пристани.

Вотъ гдѣ сложился Черноморецъ и откуда пролетѣли его славныя дѣянія. Черноморецъ зародился духовно, точно такъ же, какъ и Русскій первообразный человекъ, когда были пристани спасенія на стогахъ Кіева, Владиміра, Москвы, Нижняго... когда дѣяствія въ теченіи многихъ вѣковъ создавали и укрѣпляли Русскій духъ, изъ коего сформировалась Русская мощь.

Вмѣстѣ съ Русскою мощью славные наши предки передавали изъ рода въ родъ и самую основу ея. Какъ опредѣлить ее? Какъ назвать причину спасительныхъ движеній Донскаго, Ялунова, Пожарскаго, Минина и Сусанина? Современные Пожарскіе, Мининъ и Сусанины, т. е. все наши славные морские и сухопутные защитники Севастополя называютъ все свои подвиги простымъ исполненіемъ долга. Вотъ въ этомъ-то простомъ исполненіи долга, смыслъ коего такъ многозначучъ и обширенъ, и заключается Русская мощь. Стремленіе къ этой обязанности — исполненію долга, доступно лишь только тѣмъ, кто преисполненъ чувства любви ко всемъ, кто въ личныхъ своихъ успѣхахъ, наносящихъ вредъ другому, видитъ общее зло, а въ успѣхахъ человѣчества — собственный ростъ. По этому славное наслѣдство, полученное нами отъ предковъ, мы должны назвать: самозабвеніе и общелюбіе. Тяжело стало нашему корыстному и мелочающему вѣку хранить это священное наслѣдіе: чувство общелюбія начало угасать, а за тѣмъ послѣдовала утрата самозабвенія. Опустѣлы мѣста нашего сердца замѣнились заботою о самихъ себѣ и умъ сталъ опираться на шаткую podporу самонадѣянности. Произошло явленіе, столь же естественное и столь же простое, какъ исполненіе долга; но между этими двумя простотами оказалась великая разница въ послѣдствіяхъ. Произошло вотъ что: самые отголоски самозабвенія и общелюбія, сдѣлались намъ сначала неприятны, потомъ укоризненны, а наконецъ не сносны; мы начали обнаруживать на нихъ вражду.

Умолкъ всякій глаголь, исходящій отъ сердца. Все получило другія очертанія, другія побужденія; самый складъ Русскаго человѣка сталъ измѣняться.

Оказалось... но что оказалось? Вотъ общее опредѣленіе: бѣдный бѣдный человекъ съ его бѣдными надеждами на одинъ свой бѣднѣйшій умъ, дѣйствующій безъ помощи практическаго и сердечнаго сотрудничества.

Между тѣмъ, какъ мысли наши, лишеныя правъ гражданства, блуждали въ какой-то пустынь безплодія, вдругъ грянулъ громъ, Севастопольскій громъ, принимаемый земной суетой за послѣдствіе дипломатическихъ недоразумѣній, а христіанскимъ созерцательнымъ смиреніемъ объясняемый явленіемъ гнѣва Божія.

Сошлись опять Черноморцы на той же Екатерининской спасительной пристани рѣшать дѣло отечества тѣмъ же общимъ голосомъ, ко-

торый возрастиль и указал их для занимаемых мѣстъ. Рѣшил скоро и коротко: приготовиться къ смерти, надѣть бѣлые рубашки и защищаться до послѣдней капли крови.

И началось время осады; и потекла ручьями лучшая, чистѣйшая кровь и стали мы измываться въ ней и исцѣляться ею...

Почти цѣлый год продолжалось *Севастопольское жертвоприношение*. Уставали уже въ Европѣ готовить смертоносныя орудія и снаряды, а славная грудь всѣхъ защитниковъ Севастополя не уставала принимать на себя излетаемые изъ нихъ удары. Смыкались сномя смерти очи павшихъ—просвѣщались наши душевные взоры, уяснилось многое, открылось неизвѣстное. Доисталъ обмѣлчалъ въ глазахъ нашихъ все посредственности, обозначились все безсердечности. Недочетъ и несостоятельность оказались въ мысляхъ, дѣйствіяхъ и чистотѣ исполненій. Къ болѣзненному пытку Русскаго сердца прибавились новыя, мучительныя раны и вызвали изъ глубины его возгласъ: гдѣ же ты, куда укрывалась Русская, чистая, широкая, теплая, простосердечная душа?

Завывали мы долго, молились горячо, но надъ нами сбылось священное слово: *воззовуть и не услышу ихъ*.

Утихла брань, но Севастополя не стало, т. е., не стало его укрѣпленій, домовъ, флота; а за то явилось во всей Россіи общее сознание, что намъ нуженъ другой Севастополь, котораго никто не одолѣетъ, это — Севастополь любви и истины, гдѣ все старались бы дѣйствовать на всѣхъ поприцахъ жизни съ такими же чувствами самопожертвованія въ борьбѣ съ ложью и новѣзжествомъ, какъ дѣйствовали защитники Севастополя при оборонѣ его.

Мы вспомнили, что на Севастопольской спасительной пристани, подобно тому, какъ и въ древней Русси, существовало заветное Русское правило: *да будетъ стыдно тому передъ всеми, кто дѣлаетъ худо*. Мы поняли, что значеніе этого слова не могли намъ замѣнить графы, отчеты, канцелярш, ревизш, контролш, коммиссш, комитеты.

Намъ представилось, что виновники славной обороны Севастополя, прославленные, узавленные, разсѣявшіеся теперь по всему пространству великаго Русскаго царства, видюмъ своимъ благовѣствуютъ всею возврату къ утраченному нами уваженію общаго мнѣнія. Намъ подумалось, что вмѣстѣ съ этимъ возвратомъ воскреснетъ древнее чувство стыда предъ всеми за всякое худое дѣло и что Русскій умъ придетъ

отъ того въ связь съ сердцемъ и приметъ спасительную форму ума питающаго и заимствующаго.

Среди таковыхъ общеувоенныхъ думъ, соединенныхъ съ чувствомъ сердечной признательности къ доблестнымъ защитникамъ Севастополя, узнается въ Москвѣ, что идутъ моряки, что на встрѣчу имъ придутъ съ Сѣвера ихъ Черноморскіе собратія. Веселохалась Москва. Все сословія пропикнулись обязанности поклониться своимъ путеводнымъ звездамъ, сіяющимъ лучезарными лучами самозабвенія и высшей душевной чистоты.

Москва опредѣляла, что она будетъ имѣть такіе дни, въ которые почти весь остатокъ храбрыхъ Черноморцевъ соединится въ ней, и что чрезъ это соединеніе минувшее Московское горе подастъ руку Севастопольскому подъ стѣнами Кремля и сродится между собою для связи Новороссіи съ древнею Россіею. Вотъ почему Москва сама собою двинулась на поклошеніе. Никто этой встрѣчи не устроивалъ, никто никому и ничего не объяснялъ, потому что никто не зналъ, что и какъ будетъ, или можетъ быть; но всѣхъ руководила какаля-то необъяснимая, но общая мысль, и отъ того вышло то, чего не могло быть ни при какихъ предварительныхъ сочинненіяхъ. Но обратимся къ тому, какъ дѣло дѣлалось само собою.

Около половины Февраля 1856 года, разнеслась въ С.-Петербургѣ вѣсть о вступленіи въ Москву 6-ти экипажей Черноморскаго флота, изъ коихъ два должны войти туда 18 Февраля. Все находившіеся въ С.-Петербургѣ Черноморскіе офицеры возымѣли сердечное желаніе ѣхать въ Москву на встрѣчу своихъ собратіи. Одновременно съ этимъ получено извѣстіе изъ Москвы, что тамошніе жители ходатайствуютъ о дозволеніи имъ пригласить къ себѣ въ гости Черноморскихъ матросовъ и всѣхъ находящихся при экипажахъ офицеровъ, на все время пребыванія въ Москвѣ.

Извѣстіе о радушіи Московскихъ жителей тотчасъ сообщилось всему Черноморскимъ офицерамъ, проживавшимъ въ С.-Петербургѣ и сроднѣльныхъ губерніяхъ. Общая сердечная потребность рѣшила въ одну минуту: ѣхать встрѣчать моряковъ.

Вчера сказали сами себѣ — ѣхать, а чрезъ три дни, по полученіи нужнаго разрѣшенія, все уже были готовы и собралось (16 Февраля 10 час. утра) въ Большую Морскую завтракать, а оттуда въ 2 часа по полудни поѣхали на станцію желѣзной дороги и отправились въ Москву, съ особымъ поѣздомъ.

Переходя мыслями ко времени поѣздки въ Москву, я не беруся описывать подробности этого пути: тогда всё мои чувства перешли въ одно зрѣніе, тогда сводилось знакомство, и при названіи многихъ именъ, съ которыми мысленно простилась вся Россія, считая ихъ погребенными подъ развалинами Севастополя, мною овладѣвали но-облѣненные думы.

Вы слышите имена, а память, посредствомъ внутренняго голоса, подсказываетъ вамъ принадлежачія имъ чудодѣнія:

Вотъ Перелешихъ и Керъ, командовавшіе 4-мъ и 5-мъ отдѣленіями оборонительной линіи и во все время защиты Севастополя удивлявшіе даже Хрулева своею храбростію.

Вотъ Бирлиевъ и Астаповъ, тревожившіе и ослаблявшіе непріятеля своими ночными вылазками.

Вотъ Бѣлякинъ, находившійся во все время осады впередъ 5-го бастиона на редутѣ своего имени, гдѣ легло три смѣны прислуги, а онъ остался невредимъ.

Вотъ Понадопуло, раненый и контуженный въ голову такъ, что и теперь не можетъ слышать безъ инструмента въ ушахъ.

Вотъ замѣчательнѣйшая храбрость — Чебышевъ, бывшій во все время на 4-мъ бастионѣ и не сходявшій съ него, не смотря на свои четыре сильныхъ раны, полученныхъ имъ въ разное время.

Вотъ Тверитиновъ, съ незажившею еще ранюю на головѣ, и Рабчинъ съ костылемъ, раненый въ ногу.

Вотъ Шпоть и Костыревъ, неотлучные спутники Нахимова.

Вотъ Скарятинъ, сосланный при Тотлебенѣ, изумившій на стѣнѣ всю Европу своею находчивостію.

Вотъ Голенко и Поль, предложившіе себя на смерть для совершенія отважнаго подвига.

Вотъ Вульфегртъ и Игнатъевъ, бывшіе во все время при Хрулевѣ и Истомигѣ.

Вотъ Лазаревъ и Гедеоновъ, служившіе на батареяхъ, носившихъ ихъ имена.

Вотъ Жерве, находившійся на батарее своего имени, чрезъ которую проходили Французы и устилали ее своими трунами.

Вотъ Кремеръ, отброшенный взрывомъ пороховаго погреба на сто саженей и уцѣлѣвшій.

Вотъ Кузьминъ-Короваевъ, получившій 15 ранъ отъ лопнувшей надъ его головою гранаты и исцѣлѣвшійся особымъ чудомъ Божиимъ.

Вотъ съ израненными головами Шумовъ и князь Максудовъ, братъ котораго убитъ при отраженіи непріятеля отъ Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ.

Вотъ Бѣлавенецъ, что успѣлъ въ пылнѣйшую войну сразиться съ непріятелемъ въ Восточномъ океанѣ, Балтійскомъ морѣ и Севастополѣ (!).

Наконецъ, вотъ все они, прошедшіе сквозь огонь и смерть, *всею жертвоприносившіеся*, въ теченіи почти цѣлаго года, и показавшіе своими дѣйствіями рядъ чудесъ и усилій, принесенныхъ въ искупленіе.

Таковыми мыслями наполнялась душа во время пути въ Москву. Каждый согласится, что поѣздка эта не описуема отъ избытка сердечныхъ впечатлѣній.

Проведенные въ Москвѣ десять дней, со всеми празднествами и съ изложениемъ всѣхъ Русскихъ чувствъ, описаны въ свое время М. П. Погодинымъ; а мой разсказъ начинается съ той минуты, когда окончилось послѣднее братское цѣлованіе съ Москвичами, и поѣздъ двинулся въ обратный путь.

Разсказъ обратнаго путешествія будетъ заключать въ себѣ не одно описаніе поѣздки изъ Москвы, но и нѣкоторыя бесѣды и думы, порожденныя настоящими событіями. Мы вступаемъ теперь въ новую, выстрадавшую намъ въ Севастополѣ жизнь, следовательно все сопряженное ей, — мысли, слова, дѣянія, *назочтятся въ неразрывной органической связи со всеми храбрыми защитниками Севастополя.*

Приступаю къ разсказу:

Первое время послѣ разставанья съ Москвою хранили мы все глубокое, краснорѣчивое молчаніе. Проводы Москвичей дѣйствовали на всѣхъ, дѣйствовали прямо на сердце, какъ будто каждый уѣзжалъ на долго изъ родительскаго дома съ неизвѣстностію, что ждетъ его впередъ. Москву все мы считаемъ родимымъ городомъ, Всероссийскимъ пріютомъ. Чувства эти сильнѣе всякихъ словъ выразились въ глазахъ и вздохахъ Черноморскихъ богатырей. Слава Богу, что при отъѣздѣ изъ Москвы Русское сердце можетъ наполняться грустію, значить

(1) Почему, спросятъ, не все имена, съ коими знакома Россія по рѣлигіи, поименованы здѣсь? Отвѣчаю: исчисленные подвиги относятся только къ тѣмъ лицамъ, которые пріѣхали изъ Севастополя по разнымъ дѣламъ въ С.-Петербургъ и отправились въ Москву, на встрѣчу своихъ собратій.

оно не советъм осиротѣло; въ этой грусти выражается сладкое убѣжденіе въ томъ, что у насъ есть общее достоиніе, есть еще одна свято чтимая народная святыня, въ которой заключено наше славное прошлое и неизвѣстное будущее. Самую степень почтенія и уваженія къ намъ другихъ народовъ, мы можемъ опредѣлять сами, *впрямь аслихъ дипломатическихъ подслуживъ*, степенью собственного нашего уваженія къ историческому значенію Москвы. Въ основаніи такого опредѣленія лежитъ простая и непреложная истина, что дѣйствительный почетъ всегда бываетъ тому, кто за нимъ не гоняется, кому и дома есть что чтить, чье сердце не окаменѣло, а согрѣто не поддѣльнымъ отчизнолюбіемъ.

Быстро прикатился поѣздъ на станцію Химки. Вѣсь вышелъ на платформу. Многие захотѣли пить послѣ Московскаго завтрака; но на станціи этой, по положенію о желѣзной дорогѣ, не назначено имѣть гостиницы, следовательно и пить нечего.

Кто-то изъ прислуги нашей сказалъ:

—«Да съ нами есть квасъ.»—Какъ есть, гдѣ?

—«Въ каждомъ вагонѣ разставлены бутылки, стаканы, и есть чѣмъ откупорить.»

—«Ктожь это сдѣлалъ?»—«Не знаемъ; видѣли только, какъ двое хлопотали о размѣщеніи кваса по вагонамъ и настановили вездѣ бутылочъ триста. Эти господа говорили, что офицеры почти вовсе не пьютъ вина, а квасокъ любить, такъ мы и поставимъ имъ своего домашняго, чтобъ было чѣмъ дорожно утолить жажду.»—«Разузнать отъ кого квасъ; переспросить всю прислугу!» Стали спрашивать въ томъ вагонѣ, гдѣ помѣщалась прислуга, а ее было человѣкъ сорокъ, и узнали, что этимъ удружили намъ Московскіе знакомые, снабдивъ насъ квасомъ до самаго Петербурга. Мы послали общее спасибо добрымъ людямъ; они въ Москвѣ насъ многимъ одолжали, да и на дорогу не забыли. Чисто по Русски!

И такъ, попивавши освѣжающей квасокъ и воздавая хвалу Москвѣ за многое и многое, быстро катились впередъ.

—А славный квасъ въ Москвѣ, кто-то сказалъ, не выдохшійся, забористый.

—Отъ того и хорошъ, что домашній, не продажный; въ немъ есть сила — дрожжи.

—А отъ чего же въ Питерѣ мало хорошаго квасу?

—Тамъ въ ходу все кисляя щи, а если есть квасъ, то больше Рижскій. Квасъ этотъ вовсе не хлѣбный, а какое-то горько-сладкое смѣшеніе, производящее тошноту. Кисляя щи, хоть и кипятя, и струи дають, но не отъ закваски, а отъ искусственной игры: поташа подкладываютъ.

—Какъ поташа подкладываютъ?

—Ну да, вѣдь тамъ онѣ въ продажу поступаютъ, а всякой товаръ лицомъ продается, вотъ и нужнъ поташъ: отъ него пошнотитъ не много, какъ откупорять бутылку, а ужъ другую половину всегда допиваютъ насилью.

Еще не много поговорилъ — все больше о квасѣ, разумѣется не Рижскомъ, и очень мало о кисляихъ щахъ, въ особенности о второй половинѣ бутылки, какъ очутились уже на станціи Крюковской. Освѣжившись тутъ чистымъ воздухомъ, сѣли опять въ вагоны и поѣхали.

Послѣ Московскихъ празднествъ, торжественныхъ и шумныхъ, по ихъ многолюдству, Черноморцы очутились одинъ въ вагонѣ, а человѣкъ, естественно, послѣ каждаго торжества, наполняется какою-то особенною вдумчивостію въ прошлое. Тутъ каждый сталъ выкиать въ значеніе Русскаго человѣка, которое столь многоразлично выразилось въ Москвѣ. Разговоръ самъ собою незамѣтно обратился къ численію тѣхъ событій, когда въ ежедневной своей жизни Русскій человѣкъ стоитъ на высотѣ недослагаемой, вовсе непонятной иноземцамъ и извѣстной только у насъ. Постаравсь передать этотъ разговоръ, проходившій въ душевномъ сознаніи Руса.

Вотъ краткій перечень мѣстъ, на которыхъ интересно познакомиться съ Русскимъ человѣкомъ. Кто познакомился съ нимъ на этихъ мѣстахъ, тотъ никогда его не разлюбитъ и никогда, ни для кого, не измѣнитъ его частнымъ и общимъ выгодамъ.

Идутъ, напримѣръ, арстанты чрезъ какую-нибудь бѣдную деревню, идутъ и гремѣть своими желѣзными оковами; а къ нимъ выступаютъ изъ бѣдныхъ, полусгнившихъ хижинъ старики, жены, дѣти; выносятъ хлѣбъ, квасъ, и кромѣ того подають: кто грошъ, кто пачекъ. Что же движетъ людьми? Идутъ, говорятъ, *несчастные*; но не наше дѣло осуждать, а поможемъ имъ для утѣшенія горькой ихъ доли.

А что вы скажете про то неизмѣнное правило, положенное въ деревняхъ, чтобы воспитывать каждаго подкупутого младенца, какъ бы

бдно семейство ни было; там никогда не обращаются в полицію для освобожденія отъ подданства. Сколько есть старухъ, которыя, ходя по міру, воспитываютъ приемъшей; сколько есть стариковъ, которые между своими дѣтьми и приемъшемъ наблюдаютъ правильную очередь въ рекрутской повинности! И эти ежедневныя доблести совершаются въ бдной Русской избѣ *не для газетъ, не для наградъ!*

Мнѣ приходитъ теперь на память слѣдующая сцена, бывшая въ Вятскомъ рекрутскомъ присутствіи и разсказанная очевидцемъ (1): становить подъ мѣру молодого парня; онъ оказался годнымъ и раздалось по всему присутствію слово—*любъ!* Отозвалось это слово и въ той комнатѣ, гдѣ дожидаются очередные парни и ихъ отцы. Вдругъ выбѣгаетъ въ присутствіе старикъ съ сыномъ и объявляетъ, что молодой парень, которому прокричали любъ, его приемъши, и что вмѣсто его онъ привелъ сына и умоляетъ не брить приемъша, котораго Богъ послалъ не для того, чтобъ имъ заслонять своихъ дѣтей. Сынъ сказалъ, обращаясь къ приемъшу: не поднимаетъ моя совѣсть того, чтобы ты, безродный, пошелъ за насъ; оставайся дома и служи батюшкѣ. Приемъшь говорилъ: спасибо вамъ, родимые, что призрѣли, исполни, векормили, да Бога знать научили, не мѣшайте мнѣ отплатить добромъ. Кончилось тѣмъ, что сынъ сталъ подъ мѣру, отецъ далъ ему благословеніе, приемъша же увелъ домой. Все присутствіе до того было растрогано, что облыжало слезами; даже всѣ Вятскія присутствія стали, какъ говорить, на нѣсколько недель отъ разсказовъ объ этомъ не много мягче и благотворнѣе.

А сколько умилительныхъ сценъ при подачѣ милостыни! Печеный хлѣбъ подается всякому просиющему; есть еще особые подаванія: къ Петрову дню даютъ бднымъ для разговѣнья сметану и яйца, осенью огородные овощи; а когда молотятъ хлѣбъ, то никто не отказываетъ нищей братіи положить въ мѣшокъ зерна, не смотря на то, что во многихъ мѣстахъ подающіе знаютъ, по опыту прежнихъ лѣтъ, что урожая не хватитъ на годъ для нихъ самихъ.

А каковъ обычай, существующій въ деревняхъ Нижегородской и Пензенской губерній — подавать тайную милостыню, подавать такъ, чтобы бднныи не видѣлъ, отъ кого онъ получаетъ. На Пасху, Рождество, Николинъ день и другіе праздники, кладутъ въ деревянные чаши хлѣбъ, яйца, мясо, пироги, а люди зажиточные и деньги, и выстав-

(1) Сенаторомъ А. О. Веймарномъ.

ляють эти чаши на ночь на улицу возлѣ домовъ. Поставить чашу, поклонятся и уйдутъ. Утромъ придутъ, возьмутъ ее пустую, и перекрестятся, что Богъ сподобилъ сотворить тайно святую милостыню.

Во всѣхъ деревенскихъ избахъ сѣверныхъ и восточныхъ губерній устраивается волоковое окно, которое не имѣетъ ни рамы, ни стенокъ, а задвигается внаружи избы доской. Названіе волокового дано въ древности, отъ слова волокъ, т. е., лѣсъ, а назначеніе окна— страннопримѣство. Къ этому окну подходятъ прохажіе и стучатся: по первому стуку въ окно дорожнымъ посохомъ, выглядываетъ хозяинъ или хозяйка дома и приглашаетъ путника въ избу обогрѣться и заснуть, а по утру отдохнувшій странникъ, подкрѣпивъ себя пищей, которая предлагается даромъ, идетъ съ благословеніемъ хозяевъ въ дальнѣйшій путь.

Многія губерніи въ Россіи можно пройти безъ денегъ, пользуясь благотворительностію волоковыхъ оконъ, изъ коихъ предлагаютъ нуждающемуся пріютъ и нищу, не разсуждая о своей бдности. Гдѣ же есть подобная Россіи земля, съ такимъ всеобщимъ настроеніемъ сердца къ добру?

Въ Сибири на волоковыхъ окнахъ выставляютъ шеничный хлѣбъ, яйца и прочее, въ тѣ дни, когда хозяева уходятъ на работу въ дальнія поля. Все это предлагается тѣмъ странникамъ, кои могутъ проходить въ часы рабочей страды и имѣть потребность въ пищѣ. Очевидно, что въ назначенныя волоковыхъ оконъ лежатъ идея пріютовъ и всѣхъ благотворительныхъ заведеній, которое мы принимали за новое явленіе на Руси и даже за потребность смягчить или Русскіе нравы. Въ нашемъ душевномъ ослѣпленіи, мы несли сѣмянъ добра на чужбинѣ и въ тоже время втаптывали въ грязь свои коренноподныя растенія.

Пойдемте мыслями на сѣверъ, въ глушь, въ сѣверные уѣзды Вологодской губерній, тамъ вы увидите чудо: замковъ нѣтъ, всѣ амбары и кладовыя притворены только дверью и завязаны веревочкою, чтобы скотина не вошла; все стережетъ значеніе древняго Русскаго слова: *да будетъ стыдно вору*. Сила этого слова рѣзко проявляется въ Архангельской губерніи: тамошніе крестьяне продаютъ оленьи шкуры Галичанамъ, отдаютъ ихъ безъ денегъ, которыя должны за платить покушники на будущій годъ, по продажѣ оленьихъ шкуръ, и полученныя ими рублики, при прощаніи съ купцами, отдаютъ имъ же, говоря: береги у себя, чтобъ тебѣ знать, сколько меда привезти де-

неть,—и ни разу не было случая неисправного платежа, не смотря на то, что добрые не оформлено ни гербовою бумагою, ни мажорской книгою. Что же скрывается дѣло съ той и другой стороны? Опять древняя пословица: *малое неправедное большое праведное измещаетъ*.

Слыхали ли вы про Никольскаго купца Грибанова, которому со всего Никольскаго уѣзда (Вологодской губерніи) свозятъ крестьяне свои хлѣбные избытки въ его амбары, не говоря о цѣнѣ и даже не требуя иногда денегъ? Онъ имъ платитъ ихъ по продажѣ хлѣба въ Архангельскъ; такъ дѣло ведется слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ; значитъ, всѣ довольны.

Есть еще въ Шадринскѣ, Пермской губерніи, купецъ Ѳетисовъ, которому съ пяти уѣздовъ: Шадринскаго, Ялуторовскаго, Камышловскаго, Челябинскаго и Ирбитскаго продаютъ богатые крестьяне хлѣбъ и сало, предоставляя опредѣлить цѣну ему самому, по продажѣ этихъ продуктовъ; а слѣдующія за нихъ деньги оставляютъ у него, говоря: храни у себя дома, цѣбѣ будутъ; но только зашиши въ книгу, сколько ты мнѣ долженъ (*).

Много есть Грибановыхъ и Ѳетисовыхъ! Стоитъ только поехать, найдутся въ каждомъ уѣздѣ своего объема подобные люди.

Не даромъ же Русскій человѣкъ, при слухахъ объ обширныхъ, *всеобщихъ* злоупотребленіяхъ, говоритъ: все же есть еще добрые и честные люди! *вѣдь держится же кѣмъ-нибудь бѣлый свѣтъ!*

А видѣли ли вы какъ Русскій крестьянинъ сушитъ рожь въ печи, потому что овинъ еще не готовъ и дрова для него не запасены, а ему пришелъ срокъ отдать сосѣду занятый мѣшокъ ржи?

Но вотъ вѣнецъ духовнаго мужества Русскаго человѣка, это сены, бывающія въ губерніяхъ Пековской и Бѣлорусскихъ во время голода. Посмотрите, съ какою безропотностію начинаютъ смѣшивать ржаную муку съ сухими древесными листьями и корою для печенія хлѣбовъ! Непитательная и острая пища, увеличиваясь день ото дня, производитъ различныя болѣзни худосочія: лица вянутъ, желтѣютъ, кожа присыхаетъ къ костямъ, вѣтеръ качаетъ людей. Наконецъ, и смѣшаннаго хлѣба недостаетъ: выходятъ изъ домовъ за подаяніемъ и заработкой: отецъ оставляетъ дѣтей, не надѣясь ихъ увидѣть. Дѣти судорожно хватаютъ его иссохшими рученками за лохмотья

(*) Сообщено И. Ѳ. Базилевскимъ.

одежды и лечецуть: тятя, хлѣба, хлѣба! Охъ, жечь, сосеть сердце....

Но все это явленія грустныя, не проявляющія въ себѣ никакой удали. Тутъ удали нѣтъ не потому, чтобы ея не было въ природѣ Русскаго человѣка; а потому, что онъ совершенно *потерялъ привычку выказывать се въ дѣлѣ общаго интереса*. Но вотъ и другая сторона, представляющая эту удали, въ простой частной дѣятельности.

Побывайте на берега Сѣверной Двины, Волги, Камы и т. д., и посмотрите удали Русскаго человѣка осенью, когда рѣка только что замерзла, или когда она наполнена взломаннымъ льдомъ; тамъ вы увидите, какъ черезъ нее идутъ и ѣдутъ Русскіе люди.

Ступайте на пороги Боровичи и Днѣпровскіе, и посмотрите, какъ Русскій лоцманъ, нигдѣ и ничему не учившійся, проводитъ барки; полюбуитесь, какъ вѣтеръ развиваетъ его волосы на головѣ и бородѣ. Словъ не слышно,—онъ машетъ руками, и это маханье понимаютъ все, по его словамъ бѣгаютъ и дѣйствуютъ; а барки летятъ въ пѣніи водяной волны между каменными утесами.

Побывайте при знаменитомъ силавѣ барокъ въ вершинахъ рѣкъ Чусовой и Бѣлой, по коимъ всѣ богатства, добываемая изъ нѣдръ Урала, сплавляются посредствомъ искусственно накопленной воды въ каждагогодно устраиваемыхъ водяныхъ хранилищахъ. Сперва заправляютъ воду въ нѣсколькихъ мѣстахъ, потомъ нагружаютъ барки почти на сухой землѣ, и когда нагрузка окончена, то прикащики горныхъ заводовъ сходятся въ одно мѣсто и начинаютъ смекать: когда и какое хранилище воды отпереть, сколько отъ него пошлетъ барокъ, когда истощится вода, и гдѣ должна нагнать барки новая волна изъ другаго хранилища, какія она по дорогѣ окончена, то прикащики горныхъ заводовъ сходятся въ одно мѣсто и начинаютъ смекать: когда и какое хранилище воды отпереть, сколько отъ него пошлетъ барокъ, когда истощится вода, и гдѣ должна нагнать барки новая волна изъ другаго хранилища, какія она по дорогѣ окончена, то прикащики горныхъ заводовъ сходятся въ одно мѣсто и начинаютъ смекать: когда и какое хранилище воды отпереть, сколько отъ него пошлетъ барокъ, кому и гдѣ быть при крутыхъ изгибахъ рѣки, гдѣ причалить, гдѣ отчалить, гдѣ поворотъ, гдѣ хватка, что кому дѣлать утромъ, въ полдень, ночью; кому и чѣмъ распорядиться; какъ вести барки такъ, чтобы не столкнулись одна съ другой, и что предпринять въ случаѣ печальной неудачи; наконецъ, обсудивъ все, расходятся по опредѣленнымъ мѣстамъ, и въ назначенный день начинается исполненіе всего того, что придумано общимъ практическимъ умомъ и совѣтомъ; каждый стремится быть исправнымъ. Бѣда ошибиться: *стыдно будетъ долой глаза показывать; мѣръ застыть*, всѣ будутъ пальцами указывать; а дѣло трудное: надо выйти изъ безводной рѣки, по мѣстному выра-

женію, завалом воды. Наступаетъ день открытія сплава: отпирается сперна первое водохранилище и снимаются ближайшіе къ нему барки; лесеть, вертять, крутить;—что за суматоха бываетъ на берегахъ и баркахъ, которыя летятъ по 20-ти верстъ въ часъ! Невозможно описать кипучести тогдашней дѣятельности: крикъ людей, шумъ воды, званія шестами, руками, глазами; все дѣйствуетъ, все силы напряжены къ одному дѣлу: какъ бы поскорѣ передать въ матушку Россію сокровища Уральскаго хребта. И эта передача происходитъ всегда исправно, не смотря на то, что лѣтъ ни шлюзовъ, ни волыныхъ заставъ, ни инженеровъ; *все дѣлаетъ одно Русское проворство и удаля; еще ни разу не было случая, чтобы Сибирскій караванъ не выплылъ въ Каму.*

Подобная отвага и смѣлость бываетъ при сплавѣ бревенъ въ С.-Петербургъ по рѣкѣмъ Озоевской губерніи. Бревна плывутъ не плотами, а въ розсыпъ; на круглой поверхности плывущихъ и вертящихся бревенъ стоятъ люди, поддерживая равновѣсіе руками, чтобы не упасть въ воду, и въ то же время направляя баграми ходъ всѣхъ плывущихъ бревенъ, такъ чтобы они не могли гдѣ-нибудь сгрудиться. Бревна проплываютъ чрезъ мельничныя плотины, въ растворенные шлюзы, гдѣ вода отъ стѣненія образуетъ водопадъ. Тутъ бревно плетъ переднимъ концемъ внизъ и стоящимъ на немъ человекъ погружается по поясъ въ воду; потомъ потонувшій конецъ выскакиваетъ стремительно вверхъ и человекъ съ нимъ, держась на бревнѣ единственною способностію не терять духа. Прибавьте къ тому, что сплавъ дѣлается въ Апрель мѣсяцѣ, въ слѣдъ за льдомъ, когда ноги нельзя обмочить, не схвативши простуды, а крѣпкая Русская натура, *привыкшая отерпѣливатьсъ отъ всего*, переноситъ вліяніе холода, не подвергаясь простудѣ.

Посмотрите въ Велуджскіхъ и Вятскіхъ лѣсахъ, какъ разставляются уды на высотѣ 15-ти сажень отъ земли, на деревьяхъ, не шьющихъ сучьевъ, какъ вынимаютъ изъ нихъ медь безъ всякаго подмостокъ. Вышина ужасная! Надобно сильно загнуть голову назадъ, чтобы видѣть, что дѣлуютъ на деревьяхъ давніе подражатели смѣлости Телушкина, възбавшаго безъ подмостокъ на шницъ Петропавловскаго собора.

Интересна также игра Уральскихъ козаковъ, которая ставитъ ни во что все Европейскія удалія игры (1). Представьте себѣ десятки

козаковъ, летящихъ верхомъ по степи прямо къ берегу Урала; чѣмъ ближе рѣка, тѣмъ сильнѣе поучаждутъ они лошадей. Берегъ на носу, послѣдній ударъ нагайкою усиливаетъ бѣгъ лошадей; но чтобы она не перугалась вида рѣки и обрывистаго, кругаго берега, козакъ на всемъ скаку вдругъ накидываетъ ей чрезъ свою голову бурку—и въ ту же секунду летитъ стрѣлится съ лошадей съ высоты 15-ти сажень; на лету усиливаетъ откинуть бурку назадъ, чтобы видѣть, что ему надобно дѣлать, и въ это мгновение отдѣляется отъ лошади, плава и озирается на берегъ, откуда восторженные зрители платятъ ему за удалъ громкими криками одобренія.

А что за чудеса производятъ зѣброволье Вологодскіе и Сибирскіе, отправляясь въ лѣса на зиму, съ однимъ топоромъ за поясомъ и сухарями въ сумкѣ!

Взгляните, въ бурную ночь, на маленькіе челночки рыболововъ, плавающие на озерахъ Ладожскомъ, Гдовскомъ и многихъ другихъ; просѣдите мысленно все опасности, которымъ подвергаются Бѣломорцы, отправляющіеся въ утлымъ лодкахъ на безлюдные острова Ледовитаго моря. На всѣхъ этихъ цунтахъ такъ странно, что просто, какъ говорится, уходитъ сердце въ пятку, а Русскій человекъ дѣлаетъ свое дѣло шутя, словно не замѣчая опасности, и напѣваетъ свою *заумивую пѣсню*.

Кто изъ насъ не выдалъ, какъ наши шекотуры почииваютъ и поправляютъ карнизы пяти-этажныхъ домовъ въ Петербургѣ! Работавшій шекотуръ сидитъ на доскѣ, качающейся на веревкѣ, конецъ коей задрътъ за трубу. Онъ работаетъ, передвигаетъ себя и поетъ. Ему и горя мало, что онъ виситъ на 40-ти саженной высотѣ. Разсказываютъ, что когда Русскій шекотуръ вѣлся однажды почиивать въ Лейпцигѣ карнизъ дома и поднялся къ нему на своей сѣдушкѣ, то впродолженіе нѣсколькихъ дней, пока онъ работалъ, весь городъ ходилъ смотрѣть на него. Тамъ всякая поправка дѣлается съ лѣсовъ и подмостокъ, и появленіе Русскаго смѣльчача показалось весьма чудомъ; а у насъ это весьма обыкновенная вещь!

А какова безпримѣрная рѣшимость Кекемаго купца И. Я. Богданова отправить мореходное судно въ Іюль 1852 года Бѣлымъ моремъ и Сѣвернымъ океаномъ въ рѣку Печору?

—Какъ, въ Печору? куда никто не достигалъ, кроме Ш. И. Крузенштерна, не смотря на многіе попытки?

—Но Богданову удалось достигнуть: его судно было въ Печорѣ, п,

(1) Сообщено В. Н. Рукавишниковымъ.

плавать тамъ 850 пудовъ семги, благополучно возвратилось въ Кемь, 25-го Сентября. Объ этомъ писали въ Коммерческой газетѣ, въ Ноябрь того же года, но только очень кратко. А любопытно бы знать все подробности этого замѣчательнаго плаванія, какъ напримѣръ: что видѣли на устьѣ Печоры? Сами ли ловили сему, или купили? У кого купили? Какъ миновали плавающимъ льды? и проч. Особенной награды заслуживаютъ за этотъ подвигъ не только Богдановъ, но и всѣ, находившіеся на его суднѣ. Каковы должны быть молодцы, сдѣлавшие тихомолкомъ, безъ всякаго тщеславія, такое славное дѣло!

—Да, да, воскликнули всѣ въ одинъ голосъ; намъ знакома, намъ известна отвага и удалъ Русскаго человѣка. И говорить нечего о томъ.

—Какъ же вамъ не знать этой отваги? Вы сами первые ей представили.

Всѣ исчисленные нами доказательства смиренія и удалъ Русскаго человѣка составляють менѣе чѣмъ единицу отъ сотни его достоинствъ, еще не открытыхъ, не подмѣченныхъ. А сколько другихъ свѣтлыхъ сторонъ: напримѣръ, Русская сметка, Русское чутье, изъ коихъ можно бы составить особую науку, для особой Русской дипломатіи. Стоить только поразглядѣть, да пораскусить.

А какова способность перенимать всякое ремесло и улучшать его!

Весьма замѣчательно. Русскій крестьянинъ слушаетъ рассказы о новыхъ предметахъ, передаваемыхъ ему для исполненія. Взсмотрѣвъ въ его физиономію, выражающую совершенное нежеланіе повѣрить сказанному на слово: онъ старается отыскать въ своей головѣ или убѣжденіе въ вѣроятности, или свои способы примѣненія. Когда дѣйствіе мысли усиливается, онъ невольно чешетъ голову, крикомъ думаетъ и все молчитъ.

Безсознательной вѣры нѣтъ, не ждите отъ него одобренія, пока онъ не поймалъ, пока его мысленное око не увидѣло возможности исполнить; а если вы станете надсаждать его доказательствами и хвалить свое предложеніе, какъ бы добиваясь его одобренія и утвержденія въ непогрѣжимой пользѣ нововведенія, тогда онъ закупоривается, и вы услышите короткій отвѣтъ: *всяко бываетъ*.

Но интересно бы поговорить и о тѣхъ сторонахъ, которыя не представляютъ собою свѣтлаго сіянія Русскаго человѣка, даже о такихъ сторонахъ, въ которыхъ есть темная пятна.

Въ массѣ Русскаго простопародья, за немногими исключеніями,

пятенъ нѣтъ, а есть только грѣхи, порождаемые скукой, всѣми видимые; значить, и исправляемые общимъ упрекомъ.

А если хотіте неслать упрековъ, не исправляемыхъ общимъ упрекомъ, то надо идти уже по другимъ разрядамъ человечества, гдѣ люди ходятъ на ходуляхъ, гдѣ всякія пятна закрыты свѣтлыми занавѣсками, да какими еще дорогими: Гобеленовскими, Брюссельскими.... теперь не когда; скоро станція; разговоръ объ этомъ выйдетъ длинный, кончить его не успѣемъ, да лучше и не начинать, памятуя правило народной Русской дипломатіи: *говоринное слово серебра, а умолчаніе — золото*.

II.

«Итъ ли одной потребности, для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность въ истинныхъ людяхъ.»
«Количество не устоитъ предъ качествомъ, а если и превозможетъ, то все-таки, рано или поздно, подчинится непроизвольно, со всею его громадною, духовною властью качества. Это историческая аксіома.»

Иррозовъ.

Вскоръ по вѣздѣ изъ Подсолнечной, перѣехали мы мостъ, устроенный чрезъ каналъ для соединенія Москвы рѣки съ Волгою, посредствомъ коего предполагалось сдѣлать Москву рѣку многоводнѣе. Надъ этимъ дѣломъ потрудились болѣе 45-ти лѣтъ и, наконецъ, нашли невозможнымъ направить воду въ Москву, —невозможнымъ отъ того, что маленькія рѣчки, изъ коихъ должны были образоваться водянныя хранилища, оказались совсѣмъ безводными. Но въ воспоминаніе того, что здѣсь дѣлался каналъ, существуетъ отмежеванный бичевникъ, на коемъ покосы отдаются въ аренду, съ дозволеніемъ снимать ихъ и тѣмъ помѣщикамъ, отъ которыхъ отшли земли подъ бичевникъ.

Приближаясь къ Кашну, стали думать о чаеитиіи. Съ нами былъ И. А. Копосовъ, который принялъ на себя распоряженіе по приготовленію чаевъ и обѣдовъ въ оба пути — въ Москву и обратно.

Да, надо вамъ сказать о томъ, кто онъ. И. А. Копосовъ, изъ воспитанниковъ Коммерческаго училища, поступилъ бухгалтеромъ и казначеемъ къ инженеръ-генералу Мельникову и находился при немъ во все время постройки желѣзной дороги изъ С.-Петербурга въ Москву, сво-

диль всё счесть, повёрнул на 30 мил. квитанцій, — и теперь пристроился въ частную службу: прежнее его мѣсто уразднилось, а ему безъ службы не чѣмъ жить. Отъ чего же генералъ Мельниковъ вывѣрилъ суммы какому-то воспитанику Комерческаго училища, и какъ онъ отыскалъ такого *страннаго* человѣка, что, послѣ повѣрки квитанцій на 30 миліоновъ, ему вдругъ стало не чѣмъ жить? Да генералъ Мельниковъ открылъ новость: открылъ то, что настоящая повѣрка со всѣмъ и не въ повѣркѣ заключается, а только въ отысканіи *страннаго* *человѣка* для повѣрки. Можете судить, какъ мы всѣ любовались блистательною бѣдностію И. А. Копосова, предъ которою такъ и меркнетъ всякая роскошь. Каждый сталъ разсказывать объ известной ему подобной блистательной бѣдности. Господи, сколько насчитали такихъ людей, которые скрываются въ тѣни и неупотреблены для повѣрки квитанцій!

Отъ чего же это? Да вѣрно отъ того, что мало въ ходу такихъ людей, къ которымъ бы можно примѣнить пословицу: *на лошац и запряжь божитъ*.

Входимъ на станцію въ Клину. Чай, кофе готовы, калачей и саетки много, и мы начали расшваръ отъ нечего дѣлать.

Поѣхали далѣе. Вотъ вдали и село Завидово. Вспомнили одинъ изъ известныхъ романовъ Загоскина «Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году,» въ которомъ дѣйствіе начинается съ села Завидова. Теперь Завидово въ сторонѣ: его обошла желѣзная дорога.

Съ воспоминаніемъ о 1812 годѣ соединено у насъ неразлучно имя Алексія Петровича Ермолова. Черноморцы съ восторгомъ возобновили въ своихъ разсказахъ сдѣланный имъ Алексѣемъ Петровичемъ приемъ, припоминали его слова, говорили и объясняли многое, но не могли объяснить только одного явленія: почему у нихъ послѣ Севастопольской бомбардировки ничто уже не вызываетъ слезъ на глаза, а видъ Алексія Петровича и слова его заставили ихъ всѣхъ плакать, какъ будто слезы, съ коими онъ говорилъ, сообщались имъ всѣмъ.

—А знаете ли, господа: у меня есть что-то, относящееся къ теперешнему разговору.

—Что такое?

—Письмо отъ Алексія Петровича, которое я имѣлъ счастье получить сегодня же утромъ. Это письмо заключается въ себѣ поклоны всѣмъ вамъ.

—Гдѣ оно? Давайте письмо скорѣе.

—Вотъ оно; читайте.

«Сообщите мое высокопочитаніе вашимъ спутникамъ; болѣзнь моя не допустила лично представить имъ совершенную признательность за поощреніе, которымъ угодно было имъ меня старика удостоить. Я буду сужать, не безъ гордости, сдѣлать это самымъ лестнымъ въ жизни моею воспоминаніемъ.»

—Дайте прочесть мнѣ. —И мнѣ, и мнѣ! послышался голоса съ очевиднымъ нетерпѣніемъ, и чтеніе продолжалось долго, долго по всѣмъ вагонамъ.

III.

«Понеже не то царственное богатство, еже въ царской казѣ лежаша казны много, ниже то царственное богатство, еже снизидитъ царскаго величества въ олатотканыхъ одеядахъ ходитъ, но то самое царственное богатство, еже бы весь народъ по мѣрности своимъ богатъ былъ самыми домовными внутренними своими богатствами. Паче же вешественнаго богатства, надлежитъ всѣмъ намъ общее пеннел о вешественномъ богатствѣ, то есть о истинной правдѣ, а неправда не токмо вновь не богатитъ, но и вѣрнее богатство оттащаваетъ и въ шесту при сводитъ.»

Крестянина Писошкова, въ посланіи своемъ къ Петру Великому.

За мелькнувшимъ вдали старымъ Завидовымъ остановился нашъ поѣздъ на станціи новаго пути, называемой, по росписанію, тоже Завидово, а въ народѣ известной подъ именемъ Фофановской.

—Долго ли будемъ стоять здѣсь? спросилъ всѣ въ одинъ голосъ.

—Нѣтъ, очень не долго простоямъ. Это станція маленькая и остановка вышла случайная, за тѣмъ только, чтобы паровъ понабраться. Такъ объяснилъ кондукторъ.

Всѣ порѣшили, что не стоить выходить, а лучше сидѣть въ вагонахъ; но чтобы не задремать, надо завязать разговоръ. Для удобнѣшаго обобщенія нашли нужнымъ растворить всѣ двери, —сдѣлать прямой ходъ изъ отдѣленія. Стали сходиться и повели разговоръ; а поѣздъ между тѣмъ двинулся въ путь.

—Интересно бы знать, изъ какихъ губерній собрались мы здѣсь— всѣ владіе?

Послышался голоса: из Херсонской, Архангельской, Казаньской, Владимирской, Псковской, Казанской, Вологодской, Тверской, Костромской, Орловской, Тамбовской, Симбирской и т. д.

— Давайте рассказывать каждый про свою губернию, что имь тамъ помѣчено, чего тамъ недостаетъ!

Трудно, разумеется, передать разговоръ въ той послѣдовательности, какъ онъ шелъ, или передать, что и гдѣ было сказано: но вотъ отрывки, уцѣлѣвшіе въ памяти.

— Въ Архангельской губерніи ужасно бросается въ глаза опасный переѣздъ богомольцевъ на Соловецкій островъ, по морю въ лодкахъ; они иногда бѣдствуютъ въ морѣ недѣли по двѣ. Еслибъ имѣть два парохода, то ихъ перевозили бы въ нѣсколько часовъ, — а послѣ, осенью, когда нѣтъ богомольцевъ, эти пароходы оказали бы услугу звѣроловамъ, которыхъ много пропаваетъ съ голоду и холоду на безлюдныхъ островахъ Ледовитаго моря, куда ихъ заноситъ вѣтрами. Да возьмите въ расчетъ вотъ что: Бѣломорцы съ 10-ти лѣтнаго возраста уже знакомятся съ морской волной, и если они Богъ вѣсть куда заходятъ на своихъ утлыхъ лодкахъ, то какой же бы успѣхъ они могли оказать на пароходахъ?

Еслибъ были пароходы по Сѣверной Двинѣ и Сухонѣ къ Вологдѣ, то жители береговъ сдѣлались бы отличными лоцманами; они и теперь перевозятъ черезъ Двину, имѣющую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около пяти верстъ ширины, скотъ на луговую сторону на паромахъ и дощанкахъ съ особенною ловкостью. Дѣти въ лодкахъ пускаются чрезъ Двину, отвозя объѣдъ пастухамъ.

Пароходы эти сблизили бы Архангельскъ съ Вологодой и доставили бы возможность получать изъ Рыбинска всѣ жизненные припасы, вмѣсто мѣсяца, въ одну недѣлю, и доставлять намъ семгу въ Москву и Питеръ въ теченіи 10-ти дней. Много могла бы дать Бѣломорцамъ ловля семги, если бы возможно было доставлять эту рыбу скоро; а то теперь и ловить ее нѣтъ охоты; сколько ни налови, все пропадетъ даромъ: вѣдь до зимы нельзя доставить, а зимній путь длинней, отъ этого семга и приходитъ дорога внутрь Россіи: цѣнность ея задерживаетъ сбытъ, лишая насъ выручки, а внутреннія губерніи дешевой и вкусной рыбы. Сообразите, сколько Финляндцы вырубчаютъ за досесину, привоза ее въ Петербургъ цѣлыми кораблями; и мы могли бы тоже дѣлать, кабы придвинули насъ устройствомъ сообщеній поближе къ населеннымъ мѣстамъ.

Не знаю, пробовали ли Архангельскихъ сельдей солить на Голландскій манеръ: они и теперь не дурны, а если бы можно было научиться солить тамъ, то все Бѣломорье процвѣло бы отъ продажи сельдей, замѣняя ими привозныхъ.

— Въ Орловской и около насъ въ Курской губерніи живутъ больше отъ пеньки и коноплянаго масла, да плохो намъ — цѣна дешева на пеньку, а на масло всѣ жалуются, что оно горькое. Кабы крестьяне только сѣяли да выращивали эту пеньку, а потомъ брали бы ее на фабрики, которыя слѣдуетъ завести около Орла для обработки, тогда бы пенька шла въ отвозъ въ лучший видъ, а со временемъ бы и въ видъ тонкой пряжи. Намъ досталось бы рубля по три на пудъ лишняго; а это составило бы большое увеличеніе доходовъ въ нашемъ краю. Со временемъ, разумеется, перешли бы и къ тому, что стали бы изъ тонкой конопляной пряжи ткать трико и прочее, награждая за вытѣлку всего этого своихъ согражданъ, а не чужеземцевъ.

Не знаю, почему вмѣсто коноплянаго масла не возять отъ насъ изъ Орла и Курска конопляное сѣмя, напримеръ, сюда на сѣверъ и вообще въ тѣ губерніи, гдѣ нѣтъ коноплянниковъ; здѣсь бы выбивали изъ сѣмянъ всегда свѣжее масло, а кстаги на сѣверѣ мѣста глѣсныя, боченки дешевле. Остатки отъ маслобоенъ шли бы на кормъ свиней и домашней птицы, которыхъ такъ цѣнно продаютъ въ Петербургъ, а у насъ въ степи они ни почемъ!

На это откликнулись уроженцы Новгородской и Тверской губерніи: — А какъ бы намъ хорошо имѣть этотъ кормъ! Остатки отъ маслобоенъ, называемые жмыхами, составляютъ отличное питаніе и для рогатаго скота. У насъ въ корму недостатокъ, а заводить болѣе скота нужно для земледѣлія, не говоря уже о выгоды сбыта его. Но, впрочемъ, и сбытъ дѣло не лишнее: очень полезно было бы для продавца и покупателя получать хорошую ветчину за 25 коп. вмѣсто 75 коп., платимыхъ Елисееву и другимъ за фунтъ Англійской свинины, откормленной Русскимъ добромъ.

— Не уже ли Русскимъ? Какъ это?

— Да, Англичане берутъ у насъ льяное и конопляное сѣмя, дома выбиваютъ изъ него масло для краски крышъ и смазки своихъ машинъ, а остатки употребляютъ на кормъ свиней, которыхъ возуть потомъ къ намъ, да и выворачиваютъ чрезъ продажу ихъ значительную часть того, что за сѣмя намъ заплатили.

Дайте же Костромской и Вологодской губерніямъ въ томъ же родѣ,

как о масле говорили, подать свой голоеь на счет пшена. У насъ, на сѣверѣ, не въ ходу гречневая каша, всё ѣдятъ пшеничную, а пшено по большей части горькое, отъ того, что его привозятъ съ низова Волги; но если бы завели крунодерки, и обдирали бы по мѣрѣ надобности въ Рыбинскѣ и Вологдѣ, то оно бы не портилось, сохраняясь просомъ въ шелухѣ; а шелуха эта, которая въ низовыхъ губерніяхъ пропадаетъ даромъ, была бы для скота гораздо питательнѣе соломы, которую мы кормимъ коровъ почти всю зиму, отъ чего они такъ обезплавляютъ къ веснѣ, что и въ поле выйти не смогаютъ.

Заговорили Вологжане:

—Речь о пенькѣ идетъ и къ нашему льну, растущему въ Вологодской губерніи и другихъ, какъ-то: Ярославской, Костромской и Псковской; ему тоже нужна фабричная обработка, для улучшения его качества и возвышенія цѣнности.

Но сколько есть предметовъ искуснаго труда, почти вовсе неизвестныхъ! Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи есть деревня Тимошино, гдѣ дѣлаютъ такіе замочки, что въ 12-ти штукѣхъ только золотникъ вѣсу. Надобно особое искусство взять въ руки зтотъ замочекъ, равный ячменному зерну и отпереть его; а между тѣмъ онъ сдѣланъ мозолистыми руками въ курной Русской пѣбѣ, и какъ эти замочки никому не пужны, то и трудъ пропадетъ даромъ. А жалъ, что умные мастерить не получало выгоднаго приспособленія! Изъ такой деревни легко могла бы образоваться вторая Женевская фабрика карманныхъ часовъ, деревня бы процвѣла, и мы имѣли бы свои дешевые часы!

А приписанное иностранцамъ открытіе Артезіанскихъ колодезей давно известно на Руси. Въ Сольвычегодскѣ, Тотмѣ, Балашихѣ, Яренскѣ, Солигаличѣ, земля пробурывалась на сто сажень и болѣе въ глубину. Способъ бурованія и инструменты и нынѣ можно видѣть въ Тотмѣ. Тамъ и нынѣ употребляютъ буръ для получения разсѣла на выварку соли, и остатки старыхъ сто-саженныхъ колодезей, называемыхъ трубами, видны на многихъ мѣстахъ. Старики не помнятъ, когда ихъ буровали; но есть одна труба, называемая Феодосіевскою, потому что бурованіе ея было производимо пренодобнымъ Феодосіемъ Тотемскимъ Чудотворцемъ. И до сихъ поръ, по передачѣ изъ рода въ родъ, сохранились еще многие инструменты, употребляемые по различію породъ при бурованіи. Названія ихъ, кажется, такіа: *долота, вески, тюреки, желонки, трезубцы* и проч. Самъ я видѣлъ, какъ мѣстные

кузнецы ковали эти инструменты, а главными мастерами бурованія были Илановъ и Новожилковъ, изъ коихъ послѣдній померъ въ великой бѣдности. Значитъ, эти люди могли бы устроить пачъ колоды для прѣсной воды въ Поворосси и вездѣ, гдѣ нужно?

—Да гдѣ же все это дѣлается?

—Въ уѣздахъ Тотемскомъ и Яренскомъ.

—Въ Херсонской губерніи п около ея всё живуть пшеницей; воззтъ ее въ Одессу.—быть вѣрный.

—А интересно бы знать, что дѣлаютъ съ пшеницей въ чужихъ краяхъ?

—Разумѣется, мелютъ муку.

—Конечно, такъ. Да вѣдь эта мука не даетъ понятія о близнѣзъ нашего крупчатаго хлѣба. Справиться можете у всѣхъ бывшихъ за границей для наблюденій, а не ради одного гулянья и траты денегъ.

—Отъ чего же это? Вѣдь крупчатка и у насъ изъ пшеницы дѣлается?

—Нѣтъ не изъ пшеницы, а изъ нѣсколькихъ пшеницъ: берется озимая, яровая и, такъ называемая, Русская. Все замѣнить отъ умѣнья соединить пшеницы: иной заводъ и у насъ дѣлаетъ лучше, а другой хуже. Надобно пустить въ ходъ за границей нашу крупчатку, тогда за выдѣлку ея деньги останутся дома; а иностранцы увидятъ, что это уже съестъ не то, что у нихъ выходтъ изъ одной нашей пшеницы. Прежде, когда не было пароходства, перевозка на нарусныхъ корабляхъ совершалась продолжительно, и отъ того мука могла съезжаться въ пути; а теперь, при пароходномъ сообщеніи, требуется на доставку изъ Одессы въ Марсель менѣе двухъ недѣль, и если бы ввели отпускъ не зерномъ, а крупчатой мукой, то всё наши купеческіе пароходы, существующіе и будущіе, были бы всегда съ вѣрной работой.

Да это было бы притомъ и очень разительно: иностранцы учатъ насъ, въ чемъ надобно язаться на обѣдъ, чему мы и повинемся работливо, надѣвая фракъ, бѣлый галстукъ и натягивая машинкою перчатки; а мы бы, отеталме, вдругъ предложили имъ, какъ дойти до того, чтобы за обѣдомъ былъ не одинъ бѣлый галстукъ, но и бѣлый, рыхлый, тающій во рту хлѣбъ. За такую науку мы взяли бы очень дешево, гораздо дешевле, чѣмъ иностранцы берутъ съ насъ за моды: мы не довели бы ихъ до залога имѣній въ кредитныхъ установленіяхъ, а взяли бы только поденную плату за приготовленіе крупчатки, да оставили бы у себя шелуху отъ пшеницы на кормъ нашихъ тонкихъ коровъ.

В Псковской губернии, при самом быстром проваде чрез нее, ярко бросается въ глаза минувшее богатство и настоящая бѣдность.

Представьте себѣ, что въ Торницѣ, Порховѣ, Великихъ-Лукахъ и другихъ городахъ, по нѣскольку десятковъ церквей и огромныя лини каменныхъ лавокъ, а жителей нѣтъ въ количествѣ, соответственномъ объему города. Лавки все пусты, торговли никакой; но если они выстроены, значитъ была потребность въ нихъ, были и продавцы и покупатели, были капиталы, избытки концы отдѣлялись на постройку церквей. Гдѣ все это? Гдѣ же ростъ? Скорѣе замѣчаешь во всемъ недоростъ. Жизнь вѣрно перешла въ другія губерніи.

Посылались такіе разсказы:

—Въ Вологдѣ цѣлыя лини лавокъ пусты. Недавно каменный корпусъ, принадлежащій наследникамъ купца Митрополова, и вмѣщающій въ себѣ до 30-ти лавокъ, продалъ за 6,000 руб. На лучшихъ пунктахъ получается въ годъ за лавку 40 руб., т. е., половина того, сколько нужно на платежъ за 3-ю гильдію, а не платящему за гильдію, не дозволяется имѣть лавку даже и пустую.

Это правило, быть можетъ, и пригодно въ столицахъ; но въ Вологдѣ и тому подобныхъ городахъ, оно очень тягостно, въ особенности для малолѣтнихъ, которые торговли не ведутъ, а если они наследовали лавку, то обязаны платить гильдію. Отъ этого происходитъ то, что сирота, имѣющій въ Вологдѣ лавку, гораздо бѣднѣе неимѣющаго ея.

Въ Тверской губернии, Торжкѣ и Старицѣ, больше половины опустѣлыхъ лавокъ.

Въ Костромѣ тоже все пустуетъ; лавки, полотняныя фабрики, дома стоятъ себѣ съ провалившимися крышами.

—Но вѣрно замѣтенъ большой ростъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ?

—И этого нѣтъ: въ Быховѣ, Брянскѣ, Сызвѣкѣ, Рыльскѣ и прочихъ, даже въ самомъ Орлѣ, все лавки пусты, а въ Мценскѣ, гдѣ хлѣбная пристань, цѣлыя площади заросли травой и внутренность огромныхъ деревянныхъ рядовъ стали разбирать уже на дрова.

—Не перешло ли городское изобиліе къ крестьянамъ; быть можетъ, въ деревняхъ богатѣютъ?

—Не могутъ богатѣть въ деревняхъ, когда города бѣдны. Города заключаютъ въ себѣ рынки, для сбыта произведеній земли; а когда на этихъ рынкахъ стоятъ пустыя лавки, торговля замираетъ, то какой же сбытъ найдеть тутъ земледѣльцу предметамъ своего труда? Доказательствомъ страшнаго недочета въ крестьянскихъ приходахъ, можетъ

служить уже одинъ ячмень, сбытъ коего, напримѣръ, по пшваренію унашъ на 70 процентовъ. За 25 лѣтъ тому назадъ Москва потребовала пшва 2 млн. ведеръ, а теперь ей нужно только 400 т. вед. Возьмемъ уѣздные города: въ Вызмѣ требовалось 100 т., а теперь довольно 5-ти тыс.

—Но отъ чего же откуна дорожаютъ, когда пшва выходитъ менѣе?

—Дорожаютъ отъ того, что количество расходуемыхъ денегъ на пшву не уменьшается, а только народъ получаетъ менѣе пшвы жидкости отъ дороговизны цѣны на опую, въ чѣмъ и кроется причина возрастанія цѣнности откуповъ, принимаемая къ вину и водкамъ. Прежде можно было купить ведро пшвы 2 руб. ассигнац., а теперь оно стоитъ въ 8½ разъ дороже, т. е., 17 р. 50 к. ассигн. А жалъ, что сбытъ ячменя убить: это единственный, скорорастущій въ нашемъ климатѣ хлѣбъ, который можетъ посѣвать съ вѣроятностію между весенними и осенними морозами, и потому его съ выгодой можно съять даже въ Архангельскѣ. Ясно, что земля отъ значительнаго уменьшенія въ сбытъ ячменя на пшвареніе потеряла болѣе 10 млн. руб. сер. въ годъ. Крестьяне называютъ ячмень житю, житаръ. Такъ и слышится въ этихъ словахъ звуки какого-то жизнелюбія, если бы только житаръ былъ слына въ амбары и требовался на базаръ.

Но есть люди и въ деревняхъ, которые богатѣютъ; ихъ называютъ *миродами*.

—Какіе же это міроды?

—Это люди, образовавшіеся отъ сбора податей.

У насъ собираютъ подати два раза въ годъ: весной и осенью; а приходы-то у крестьянъ не одновременны. Напримѣръ, въ хлѣбныхъ губерніяхъ бывають съ деньгами зимой, но продажъ хлѣбовъ; въ промышленныхъ, по возвращеніи съ работъ, а въ навигаціонныхъ, по закрытіи судоходства. Вотъ хоть бы, напримѣръ, въ Тверской губерніи, чрезъ которую мы теперь проѣзжаемъ: какое разнообразіе промысловъ и сроковъ крестьянскихъ денежныхъ приходовъ! Одни уѣзды живутъ Волгой, другіе льсомъ, третьи ковою гвоздей; а тамъ Остани, что расходятся дѣлать кирпичи, Киморцы сапоги шить и т. д. Приходитъ осенняя подать: хлѣбъ еще не проданъ, зимняго пути нѣтъ; или на оборотъ: пришла весенняя подать, а крестьянинъ нанялся въ бурлаки и деньги будутъ у него только въ концѣ лѣта; вотъ бѣдный мужикъ и идетъ къ богатому, чтобы занять на нужду, а иной богатый-то міродъ безъ того не дасть, если не отдашь хлѣба, или скотину за полцыня,

или не обаяешься работать у него въ дни сѣнокоса и жатвы. Такихъ мѣроѣдовъ наберется десятка по два въ каждомъ уѣздѣ. Ихъ называютъ въ земляхъ судахъ «почтеннѣйшіе должжатели.»

А если бы для каждаго уѣзда срока взноса податей были согласены со временемъ денежныхъ приходовъ у крестьянъ, то почтеннѣйшімъ должжателямъ вовсе бы нечего было дѣлать и они сами собой бы перелезли, къ общему удовольствію.

—А какое выразительное слово—мѣроѣд!

—Да, народное слово. Народъ всегда выражается коротко, да укъ такъ сильно, что словомъ своимъ, словно клеймомъ раскаленнымъ, такъ и выжжетъ всякое значеніе. Такое слово всегда пѣшетъ свою исторію; оно не сочиняется, а отрывается отъ сердца человѣческаго, въ минуту его отчаянной битвы съ тигостіями жизни. Въ всякаго сердца есть свой 12-й годъ, своя Пугачевщина и своя бомбардировка въ родѣ Севастопольской. Представьте себѣ какаго-нибудь бѣдняка въ ту минуту, когда онъ отдастъ почтеннѣйшему должжателю, или послѣдній мѣшокъ ржи, или не сжатую полосу въ полѣ, или единственную корову, и, возвратясь домой, подумалъ о завтрашнемъ днѣ, на который нѣтъ ни хлѣба, ни молока для ребятшекъ, и онъ долженъ идти по міру; а въ это время, когда онъ бредеть съ семьей за подаяніемъ, должжатель сидитъ подъ опломъ и облизывается послѣ жирной баранины: бѣдняку вдругъ кажется, что должжатель выкусь у него часть сердца и что на губахъ у него кровь; и вотъ онъ закалѣмнитъ его словомъ *мироѣдъ*; другой бѣднякъ подхватитъ это слово и передастъ третьему, а тотъ десятому— и пойдетъ слово ходить по всѣмъ селамъ и деревнямъ.

Но мы, однакожь, имѣемъ барометръ народного благоденствія, который всегда показываетъ высоко. Я разумно возрастаніе откушныхъ суммъ. Да хорошо ли это для почвы и растительности, когда барометръ будетъ всегда показывать высоко? Надобно, чтобы онъ иногда показывалъ и шаго, а шаге—не будетъ влаги и все заохнетъ.

—Что же всего замѣчательнѣе собственно въ губернскихъ городахъ?

—Всего болѣе паразаетъ то, что полсвина ихъ окружена песками. Вотъ вамъ нѣсколько удостовѣреній на память. Около Казани по тракту изъ Нижняго — пески. Около Нижняго по дорогѣ изъ Костромы — тоже. Харьковъ и Екатеринбургъ кругомъ въ пескахъ. Полтава, Курскъ, по дорогѣ отъ Харькова, Воронежъ отъ Тулы, Тамбовъ отъ Пензы, Калуга отъ Смоленска, Пенза отъ Симбирска, Могилевъ,

Черниговъ, Пермь окружены сыпучими песками. Последнюю станцію всегда тоска одолеваетъ: надо ѣхать шагомъ и смотрѣть на мученые лошадей; а прїѣдешь въ городъ — ничего, какъ и быть городъ: найдешь тамъ и театръ, и клубъ, и лоттерей-аллегри, и всякія заведенія и учрежденія, а въѣзду въ городъ нѣтъ. Бывало въ Казань, если прїѣдешь ночью со стороны Нижняго въ Ягодную слободку, ну и сиди тутъ до утра: между слободой и городомъ четыре версты, и это пространство не думай переѣхать ночью: амы, овраги съ водой, грязь не вылазная среди города. Теперь этого нѣтъ: былъ тамъ военнымъ губернаторомъ С. П. Шинновъ, и въ первый мѣсяцъ своего прїѣзда въ 1842 г. рѣшилъ сдѣлать носсеюную насыпь между Ягодной и городомъ. Она исполнена уже послѣ него; вдругъ дѣло не могло сдѣлаться: дѣтъ восемь задерживали его сношенія, разсмотрѣнныя и высшія соображенія съ *подлежащими* печеленіями.

—А вотъ что со мной случилось въ 1847 году подѣ Харьковомъ, — сказалъ кто-то. Лошади въ пескахъ стали. Были, были ихъ, —ни съ мѣста! Въсь по брюхо въ песокъ. Бросили экипажъ, и пошелъ пѣшкомъ. Ночь была претемная. Шли по песку часа два; видѣли брошенные возы, изломанные телеги, затянувшихся воловъ и лошадей, извошниковъ и чумаковъ, восклицавшихъ съ досады: «*любыла тебе мѣся година та несчастлива!*»; а иные, у которыхъ послѣднія животинка надрывалась въ пескахъ, жалобно вошли: «*а на що мене маты на свить народыла!*»

Вдругъ окликъ. Кто-то стоитъ съ дубиной.

—Кто ты, эй, дубина!

—Корчменная стража отъ откуна.

—Гдѣ же ты живешь?

—А вонъ въ землянкѣ: тутъ укъ городская черта, по которой расшнута землянка.

—Чтожь ты тутъ дѣлаешь?

—Насъ много. Мы ходимъ отъ одной землянки къ другой, ловимъ людей и таскаемъ въ городъ; тамъ ихъ въ судъ сдають, а судъ въ тюрьму сажаетъ: значить, они виноваты въ корчемствѣ. Здѣсь въ Малороссіи, Новороссійскихъ и Западныхъ губернскихъ кругомъ каждаго города все ловятъ народъ съ виномъ, а въдъ народъ надокъ къ дешовому товару: говорить, что и вездѣ любить провести то имению, что запрещено. Давно я служу въ этой стражѣ, награды получалъ за поимки съ виномъ, да такіа двѣ поимки сдѣлалъ, что нать семей въ Сибирь ушло.

Он сказалъ это съ такимъ дикимъ хохотомъ, что ночью, при видѣ дубины въ рукахъ, сдѣлалось даже страшно.

—Чтожь значить все это? спросилъ меня мой спутникъ.

—Это значить практическое столкновение двухъ разнородныхъ системъ продажи вина, происходящее на 3,500 верстѣ. Черта столкновения идетъ черезъ всю Россію, отъ сѣвернаго берега Ладожскаго озера къ Азовскому морю, вотъ такъ: отъ Кекагольма черезъ С.-Петербургъ къ Пскову; отсюда вѣсокъ и съ разными извилинами до Анапы. По этой чертѣ происходятъ драки, убійства; городскія тюрьмы въ среднѣ Россіи наполнены виновниками въ провозѣ вина, изъ которыхъ нѣмцы или осуждаются въ Сибирь, или отпускаются, по оправданіи, домой, пропустя рабочую пору и доведенные до крайности.

—Да за чѣмъ же это? Развѣ нельзя сдѣлать такъ, чтобы не было мужиковъ съ дубинами и никого бы они не хватали?

—Сдѣлать это можно, но рассказывать о томъ здѣсь въ слышучихъ песняхъ не буду. Вѣдь это такой разговоръ, что съ разу не передашь его во всей ясности.

Опять обратилась къ той же дубинѣ:

—Послушай: хочешь ли получить на водку? Укажи намъ прямую дорожку, чтобы скорѣе добраться до Харькова. Чай близко до города.

—Прямо — верстѣ семь, а тропинкой не больше пяти. Я выведу васъ на Основьянскій лѣсъ; тутъ есть подъ городомъ въ лѣсу большая бѣсѣдка, господа собираются, и сегодня сборъ. Выведу васъ на огонекъ, а тамъ и сами дойдете.

Шли, шли, отдыхали нѣсколько разъ, и вотъ завидѣли огоньки въ бѣсѣдкѣ, дали провожатому за труды, и пришли къ ярко-освѣщенному дому: тутъ музыка, танцы, всѣ власти; словомъ, веселый праздникъ, на которомъ радостные крики пирующихъ совершенно заглушали отдаленныя стоны вязнувшихъ въ песку извозчиковъ и чумаковъ.

Послѣ этихъ приключеній мы назвали Харьковъ песошницей, и вздохнули за всѣ губернскіе города, окруженные невылазными песками, которые легко могли быть устранены сдѣланіемъ шоссе верстѣ на пятнадцать подъ каждымъ городомъ.

—А знаете ли разговоръ о шоссе на что наводить? Шоссеиные дороги вѣдь недавно у насъ учредились, и всѣ строенія на ничъ новыя. Почему бы не дать этимъ строеніямъ чисто Русскій характеръ? Это развилось бы самобытнѣй Русскій вкусъ въ архитектурѣ. Своёобычье во всемъ важно, а въ зданіяхъ оно необходимо.

—Да я знаю одну Русскую почтовую избу на Ковенскомъ шоссе, тамъ, гдѣ черезъ рѣку Лугу строить почти рядомъ два большіе моста: одинъ по линіи желѣзной дороги, а другой по шоссе. Тутъ повольно каждый вспоминалъ, гдѣ и когда ему случилось пробѣжать по такимъ мѣстамъ, гдѣ вовсе нѣтъ никакихъ мостовъ.

Пошли рассказы о томъ, какъ шной просидѣлъ цѣлую ночь въ огрѣ, другой цѣлыя сутки, третій шелъ пешкомъ до ближайшей деревни, чтобы позвать крестьянъ для вытаскиванія вязавушнаго въ грязи экипажа.

Вообще, на проселочныхъ дорогахъ поражаютъ вниманіе помѣщичьи усадьбы съ тѣнистыми садами, поражаютъ отъ того, что построеніе ихъ и разведеніе садовъ, все относится къ прошлому столѣтію. Рѣдко случается увидѣть помѣстье, возникшее послѣ того времени. А знаете ли, какую грусть наводятъ такія думы, когда мысленно помотришь въ даль!

Много рассказывали Владимірцы и Калужцы о дорогахъ, лежащихъ въ ихъ губерніяхъ. Объяснилось то, что есть такіе тракты, по коимъ перевозятся товаровъ на нѣсколько десятковъ милліоновъ въ годъ, а идущіе на этихъ трактахъ вьзнуть по колено въ грязи, лошади надрываются, богатырская сила Русскихъ извозчиковъ тратится на выворачиваніе воезовъ изъ грязи. Въ особенности замѣчательно движеніе пассажирровъ и товаровъ изъ Калуги въ Москву; а какъ Калуга стоитъ въ 80-ти верстахъ отъ шоссе, то на этомъ маленькомъ разстояніи маются въ грязи въ весеннюю колотъ часовъ по сорока, когда грязныя колѣна замерзнуть.

Чѣмъ дальше говорили о проселочныхъ трактахъ, тѣмъ грустнѣе становился разговоръ. Открыли такой трактъ, по которому перевозятся на разстояніи 250-ти верстѣ, туда и обратно, на сотни милліоновъ разныхъ товаровъ. Дѣйствительно, разговоръ объ этомъ трактѣ можно назвать открытіемъ.

Представьте, что зотъ трактъ, по которому перевозится громада многоцѣнныхъ товаровъ, существуетъ какъ-то пританчившій по секрету, его нѣтъ ни въ одномъ дорожникѣ, ни даже въ отдаленныхъ соображеніяхъ объ устройствѣ сообщеній. Но онъ лежитъ не за горами и не вдалекѣ, а просто изъ Москвы въ сердце нашей фабричной дѣятельности—Шую и село Иваново. Представьте, что всѣ потребныя предметы для Шуйскихъ и Ивановскихъ фабрикъ, какъ-то: хлопковъ, шелкъ, шерсть, краски, машины и прочее, везуть напрямкомъ, пролегающимъ по

дѣламъ и полямъ, гдѣ нѣтъ никакой дороги, исключая переѣздной изъ деревни въ деревню, и по этому же пути отправляютъ въ Москву всѣ издѣлія Владимірскихъ фабрикъ. Лишь только обозъ выѣдетъ изъ Москвы за заставу около села Черкизова, такъ и врѣжется въ грязь, и тащится до самой Шуи по какому-то раствору изъ перемитой железамъ глины. Подъ страннымъ названіемъ извѣстна въ народѣ эта дорога: ее называютъ *Стралынка*. Не по качеству ли дороги произошло названіе отъ такого укоряннаго корнесловія?

Симбирская губернія поразила въ разсказахъ своихъ о дешевизнѣ тамъ говядины, которая въ зиму 1855 г. продавалась за пудъ по 20 коп., такъ что не знали, куда ее дѣвать.

Невольно возникъ вопросъ:

—Что же не везли въ Крымъ, гдѣ цѣна доходила до 10 руб. пудъ?

—Да въ Симбирскѣ вовсе не знали о томъ. У насъ такъ мало грамотности о предметахъ общей пользы, что мы нужная вещь узнаемъ послѣ, и отъ того, какъ говорится, *всегда ходимъ въ лѣсъ по малину, пропустивъ лѣто*.

Еслибъ война шла лѣтъ десять, тогда бы свидѣніе, посредствомъ извѣстной передачи, дошло до Симбирска, и повезли бы столько, что и въ Крыму говядина была бы не дороже 3 руб. за пудъ.

Въ разговорѣхъ о Владимірской губерніи главное мѣсто занимали разсказы о разнощикахъ и разнощикахъ товаровъ, которыми населены уѣзды Владимірскаго, Ковровскаго, Гороховскаго и другіе. Эти люди разсыпаны по всей Россіи: ихъ вы найдете въ Архангельскѣ и за Кавказомъ, въ Украинѣ и въ Иркутскѣ, всюду. Никто вѣрше ихъ не знаетъ народный бытъ, со всею его внутреннею; многое отъ нихъ можно вывѣдать: только надо умѣть заговорить съ ними и разспросить ихъ. Недавно одинъ разнощикъ разсказывалъ прентересный случай, *аказію*, какъ онъ называетъ какой-то купецъ, торговавшій ситцами въ Тамбовѣ, попалъ подъ уголовное дѣло, которое тянулось очень долго, много лѣтъ. Наконецъ, требуютъ его въ судъ и объявляютъ, что онъ лишается купеческихъ гражданскихъ правъ. Купецъ въ страхѣ обращается съ просьбою къ судѣ о томъ, нельзя ли ему допродать товаръ въ своей лавкѣ, чтобы хоть съ долгами разсчитаться и не совѣсьмъ разориться. Судья отвѣчалъ, что онъ можетъ не только товаръ допродать, но даже всю свою жизнь торговать, если будетъ вносить гильдейскія деньги. Удивленный купецъ спросилъ: «батьшка, да разскажите же, какъихъ я лишаюсь правъ?» Ему объяснили, что онъ лишается права быть избраннымъ въ городскія службы и избирать другіхъ. Купецъ перекрестился, просіялъ, и сталъ просить судью, выражая въ своей физиономіи намекъ на самую чувствительнѣйшую благодарность: нельзя ли его сына приписать къ уголовному приговору, увѣряя, что сынъ также виноватъ вѣсть съ нимъ.

31

О! такихъ случаетъ я вамъ наберу много!

Нарочно приписываютъ себя къ сльдѣственнымъ дѣламъ, чтобы, счтясь подъ судомъ, избѣжать службъ по выборамъ.

—Отъ чего же это такъ?

—Отъ простой причины: возьмте вы, напримѣръ, Елецъ, гдѣ живетъ 20,000 жителей, и какую-нибудь Чухому, гдѣ только 500 человекъ, а составъ городскаго управленія почти одинаковій; отъ того въ Чухомѣ и приходится безмѣрно служить по выборамъ.

—Но гдѣ же понятіе у гражданъ о добромъ имени?

—Гдѣ? Въ душѣ. Для жизни выбираютъ они то, что менѣе тяжело: служба, или приниска къ сльдѣтвию; разумеется, гражданское самолюбіе въ сторону, когда нужно сберечь время, чтобы ѣздить по ярмаркамъ и добывать средства на пищу и одежду себѣ и своей семьѣ.

А вѣдь этанхъ городовъ, въ родѣ Чухомы, сотни! Значить въ нихъ много бдности.

—Однако, есть же такія губерніи, гдѣ вовсе не бдно живутъ?

—Есть: Пермская, за исключеніемъ уѣздовъ Солкамскаго и Чердынскаго, Оренбургская и обѣ Сибири.

—Какъ же это такъ сдѣлалось, что тамъ бдности нѣтъ?

—Не знаю, этого еще никто не прослѣдилъ. Да и кому охота сльдѣтть, что дѣлается въ Перми? Развѣ это Европа? Напротивъ, Пермь заимствуетъ отъ Европы: тамъ заведенъ уже и пріютъ для будущихъ бдныхъ.

—Что толковать о бдности, лишени матеріальною. Слыхали ли вы о лишеніяхъ особаго рода; слыхали ли про месть Вотьяковъ, обитающихъ въ Ватской и Казанской губерніяхъ? Ошозоренный Вотякъ приходитъ ночью къ своему врагу, также Вотяку, и вшааетъ у него на воротахъ, зная, что наѣдетъ судъ и начнется сльдпроизводство, котормъ онъ и отметитъ своему врагу сильнѣе всего.

—Должно быть, эти Вотяки самаго звѣрскаго права?

—Напротивъ, смири, какъ курицы; но они такъ бояся всякаго бумажнаго производства, что считаютъ это выше всякаго наказанія.

—Значить, они очень часто подвергаются бумажному производству?

— Часто, и всегда за один предмет: за кумышку; такъ что этими дѣлами завалены Витекіе и Казанскіе суды.

— Что эта за штука — кумышка?

— Это хмѣльная жидкость, выгоняемая Вотяками изъ муки, къ которой они привыкли со временъ Маусановыхъ, а имъ дали параграфы о кумышкѣ. Правилъ постановлено много: какія имѣть кадки, какой крѣпости должна быть кумышка, и какъ отвѣчать за отступленіе отъ параграфовъ; а Вотяки читать не умѣютъ, судъ все наѣзжаетъ свидѣтельствовать, — вотъ и опротивѣла Вотякамъ жизнь. Недавно мнѣ одинъ зажиточный торговый Вотякъ писалъ, что онъ отъ кого-то узналъ мою нелюбовь къ процессамъ и заведенію дѣлъ, и просилъ меня, отъ имени всѣхъ Вотяговъ, взять на откупъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ живутъ они. Разумѣется, онъ не зналъ, что я распространился съ содержаніемъ откуповъ навсегда.

Это понятно, что Вотяки легко впадаютъ въ проступки, когда не умѣютъ читать правилъ, и даже публикаціи о подачѣ апелляцій въ Сенатъ въ извѣстный срокъ не приносятъ имъ пользы и не даютъ ожидаемой закономъ защиты, потому что газетъ они не получаютъ, а если бы и получали, то не могли бы ихъ прочесть. Да и трудно имъ приучить себя исполнять правила по такому предмету, который входитъ въ ихъ домашнюю потребность. Это все равно, если бы намъ дали правила на счетъ употребленія кашусты и соленыхъ огурцовъ: какой мѣры кадки, какой крѣпости рассоль, и сталъ бы наѣзжать судъ и повѣрять, такъ ли все исполнено, какъ написано. Тогда бы всѣ оказались такими же преступниками, какъ Вотяки.

— На слѣдующей станціи пойдѣте въ тотъ вагонъ, гдѣ наша прислуга: надо посмотреть на нихъ, что они дѣлаютъ, все ли у нихъ есть?

— А мѣщане не служатъ у васъ?

— Были у нѣкоторыхъ, да только не удобно: имъ нѣкогда служить: все ихъ возить изъ конца въ конецъ по всей Россіи.

— Куда возить? за чѣмъ?

— При всякомъ наборѣ требуютъ каждаго въ свой городъ; теперь сдѣлано по иностранному: вынимаютъ жребій, а наша земляца по больше иностранной, такъ и надо тащить каждаго въ тотъ городъ, гдѣ кто приписанъ, хотя бы это было за десять тысячъ верстъ. Вотъ еще одно неудобство для ремесленныхъ мѣщанъ. случится за нимъ 5 или 10 рублей недонки и недаютъ паспорта; *сиди дома и копи новую недонку*. Въдѣ мастеровому, какому-нибудь ламповицику, гдѣ же зарабо-

татъ въ маленькомъ городкѣ, въ которомъ салыня свѣчи рѣдкость, а лампы нигдѣ не видать. Какъ бы обрадовались мѣщане, когда бы ихъ не держали дома за недонку, а выдавали бы паспорта съ обозначеніемъ на нихъ этой недонки, которую подрядчикъ и уплачивалъ бы въ ближайшую казенную палату, при наймѣ мѣщанина съ недоночнымъ паспортомъ, а палата пусть переписывается съ кѣмъ знаетъ, о полученіи ею денегъ; въдѣ на то она и палата, чтобы переписываться, какъ равно на то мѣщанинъ состоитъ мѣщаниномъ, чтобы владѣть своимъ единственнымъ богатствомъ — временемъ, и обращать его на трудъ, пока здоровье есть.

— Что это вы такъ долго читаете Иваландъ?

— Прозсматриваю объявленіе объ умершихъ нижнихъ чинахъ. Сынъ мой кормилицы Кондратій Семеновъ въ солдатахъ, и я дагъ слово старухѣ слѣдить за тѣмъ, не умеръ ли онъ; а въ случаѣ его смерти, извѣстить ее, чтобы могла помянуть его по долгу христіанскому. Она давнымъ давно его оплакала и мысленно простилась съ нимъ на вѣки вѣчные. Тутъ есть Кондратій Семеновъ, но не тотъ, а изъ Тобольской губерніи; послѣ него осталось 1 р. 67 к. денегъ, и вызываютъ родственниковъ въ Дубоссары, Бессарабской области, т. е., туда, гдѣ полкъ стоитъ, съ тѣмъ, чтобы они прибыли или прислали за полученіемъ этихъ денегъ съ узаконенными документами и ясными на право наслѣдства доказательствами.

— А что бы вы сдѣлали, еслибъ этотъ Кондратій Семеновъ былъ сынъ вашей кормилицы?

— Я бы просто взялъ да послалъ ей 1 р. 67 к.; не деньги дороги, а дорого то, что они послѣ сына. Старуха половину бы издержала на помянки, а на другую купила бы выучку забубу у разнощика, да еще кое-что.

— Не мало мы переговорили о всякой всячинѣ, но въдѣ это все можетъ казаться многимъ мелочью. Что такое какъ не мелочь сельди, нешка, лежь, горькое масло и шено, кручатка изъ трехъ пшеницъ, сыпучіе пески, дешевое мясоястие въ Сибирскѣ и мясопустіе въ Крыму и т. д. За тѣмъ, какая-то кумышка, задержка, за неплатежъ подати, дома на печи, гдѣ на нее ничего не выработаешь, и наконецъ приглашеніе газетъ, Иваландъ, прибыть изъ Тобольска въ Дубоссары съ ясными доказательствами, стоющими въдесятеро болѣе сачаго наслѣдства.

Все это мелочи, мелочи, которые не могут возбудить просвещенца-то внимания нашего прогрессивного времени.

— Как мелочи, помилуйте! Это такие вещи, что они и отдельно взятые не мелочи, а всё вообще могут составить ужасную крупность, до которой только и можно достигнуть темъ, чтобы прибавить каждому крестьянскому семейству—рублей 50 въ годъ дохода, чтобы масло было не горькое, пенька не шла за бездѣлюк, руки не отрывались понапрасну отъ дѣла, лошадь подъ Харьковымъ не садыхалась въ пескахъ; всего этого и можно, повторю, достигнуть устройствомъ этихъ мелочей. Поверьте, горькое пшено и конопляное масло есть капитальная вещь. Въ Оренбургской губерніи пудъ проса стоитъ 10 к., а на сѣверѣ пудъ пшена въ двѣнадцать разъ дороже, т. е., 1 р. 20 к.; а еслибъ его сдѣлать только вятеро дороже противъ первоначальной цѣны, т. е., 50 коп. за пудъ, тогда бы каша бѣла всякой бѣднякъ, да и Оренбургскимъ крестьянамъ было бы лучше: у нихъ закупили бы тройную пропорцію проса. Прибавьте къ тому свѣжее масло, да это просто объяденье! У насъ каша замѣняетъ солдату и рабочему соусъ и шпроежко: не даромъ же называется: *каша мать наша*. Отъ одной мелочи вольется въ губернію 500 т., отъ другой 100 т., а оно не бездѣлица—все улучшается бытъ. Вотъ это-то и есть настоящая благотворительность. Видѣть вы сами лучше всѣхъ знаете, какой отличный народъ у насъ вонъ тотъ, что ѣдетъ въ третьеклассномъ вагонѣ, какъ онъ умираетъ славно; какъ же за него не думать? А ему самому нельзя всего придумать и все устроить. Значительность вліянія всѣхъ мелочей на жизнь человека, следовательно и на общее государственное богатство, всего лучше подтверждаютъ слова Великой Екатерины, прареченныя въ сія мудромъ Наказѣ. Тамъ сказано: «Человѣка не можно и не должно никогда позабыть. Мало въ свѣтѣ человѣкомъ дѣлается, чтобы не для человѣка «же было, и большую частью всѣ вещи чрезъ него же дѣлаются. Человѣкъ, кто бы онъ ни былъ: владѣлецъ, или земледѣлецъ; рукодѣльникъ, или торговецъ; правдивый хлѣбодець, или раченіемъ своимъ подающій къ тому способы; управляющій, или управляемый: все же есть «человѣкъ: сіе одно слово подаетъ уже совершенное изображеніе всѣхъ «нуждъ и всѣхъ средствъ къ удовлетворенію оныхъ.»

— Все это такъ; но странно вотъ что: не есть ли все это одинъ только непрілагаемый къ дѣлу разговоръ? Ну, какъ это исполнить, чтобы масло изъ сѣмянъ сбивали не тамъ, гдѣ сбиваютъ теперь, а въ другомъ мѣстѣ; чтобы дѣлали для заграничнаго откупа крупчатку и т. д.

— Правда, что это только разговоръ одинъ, и дѣло долго будетъ оставаться при разговорѣ, покада споръ и обмѣнъ мыслей не научитъ какъ все исполнить и какъ устранить всѣ затрудненія, сочиненныя падали горделивымъ умозрѣніемъ; а ихъ столько сочинено, что никакая мысль не проворотитъ. Но надобно же начать этотъ разговоръ: въ дѣл предметахъ, составляющихъ общее благоустройство—тысячи, следовательно и разговору должно быть много. Пусть одинъ шипитъ, другой возражаетъ, третій опровергаетъ; изъ всего этого дѣло уясняется. Поверьте, гдѣ есть тѣнь пользы, тамъ только намекните, а люди сами дойдутъ до того, какъ исполнить. Вся штука въ томъ, чтобы возбудить разговоръ; но какимъ образомъ возбудить? Мнѣ кажется, примѣръ тому—нашъ вагонъ. Мы растворили двери, стали сходиться, сперва молчали, всматривались въ физиономіи, а потомъ и пошли, и пошли, и начали нести свои ленты въ общую сокровищницу. Надобно только, чтобы приниматели ленты не перебрегали ими: бѣда то въ томъ, что они любятъ все одно эффеетное. Поверьте, эффеетъ придетъ самъ собою, основательный, а не натянутый, следовательно, и не фальшивый, когда все эти мелочи будутъ устроены.

Что касается до устройства, то его должно подмѣчать не въ отчетахъ, а въ осязательныхъ доказательствахъ: Русскіи крестьянинъ по необходимости ѣтъ круглый годъ постыяши изъ одной крупы и воды; но эти ши еше одно слабое доказательство бѣдности, а сколько есть другихъ! Загляните въ кладовую крестьянина, посмотрите приданое деревенской невесты, и вы убѣдитесь, что отъ мелочей зависитъ не только много, но просто все.

Интересно было бы на какую-нибудь выставку сельскихъ произведеній, гдѣ выложены чудовищной величины огородныя растенія, образцы прекраснаго удобренныхъ земель, въ красивыхъ ящикахъ, и многие признаки общественаго блага, выставить имущество Русскаго крестьянина и приданое крестьянской дѣвушки, то и другое ваятое, разумеется, не на выборъ, а изъ такой избы, какъ случится! Такое прибавленіе на выставкѣ служило бы повѣрью самаго отчета объ ней!

— Однакожъ, разскажите, если видали, что хранится въ кладовой у самыхъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, которые всегда составляютъ собою и большинство населенія и главную необходимость заботливости объ нихъ.

— Небольшие тамъ запасы: нарѣ пять лаптей, какія-то старыя веревочки для узвѣки сбрунъ, пара подковъ, найденныхъ на дорогѣ, переделенная на задѣльную работъ коса, заржавѣлый и окислющій выправ-

ки серпъ, по гореточкѣ сушеныхъ снятковъ и ячной крупы, завязанныхъ въ тряпицѣ и хранимыхъ къ великому дню; треснувшій глиняный горшокъ и убранный для оплетенія его берестюю, чтобы употреблять подъ молоко, когда станетъ доить единственную корова; пустая бутылка съ деревянной пробкой на ниточкѣ, изъ-подъ постнаго масла, старыя лопаты и голки; а въ сундукѣ двѣ-три восковыя свѣчки для образовъ, завернутыя въ бумажку вмѣстѣ съ деревянной биркой, на которой зарублены занятія у важиточнаго мужика хлѣбъ и соль; на половникѣ бирки зарубки уже сколоты, это означаетъ прошлогодній уплаченный заемъ; два копѣчные, окаменѣлые, сухіе прищипа, хранимые отъ свадьбы на поглядѣнье и воспоминаіе о тѣхъ дняхъ, въ которые ѣли пироги съ начинкой; поясъ изъ цвѣтной шерсти, для подпояски въ Христовъ день; двѣ рубахи цѣлыя и столько же ветхихъ, изрѣзанныхъ на олучи; автробой *отъ удущья сердца*, этой болѣзни Русскаго простонародья, и свертокъ новаго холстина на саванъ, въ среднѣ коего спрятаны на поминъ души нѣсколько гривенниковъ и мѣдныхъ грошей, тщательно укрываемыхъ отъ злодѣйки-нужды. А для приданаго невѣсты нѣтъ ни кладовой, ни сундука: его уже легко опредѣлить по соображенію съ тѣмъ, что можно выдѣлѣть изъ запасовъ отца. Сама же руководыльница невѣста, въ свободную отъ тяжкихъ работъ пору, при свѣтѣ дымной лучины, или съ утренней зарей, покидала свой войлокъ, кое-какъ ушѣла заготовить два-три суровые утральника, съ вышитыми красной бумагой краями, для подарка будущему своему мужу.

Горько и грустно; но вотъ главный трудъ: гдѣ найти людей для устройства всего полезнаго и нужнаго? Посмотрите, какое затрудненіе въ отысканіи—кого же? подрядчика. Не смотря на то, что вызываютъ, публикуютъ, обявываютъ залогами быть исправнымъ, пишутъ правды, за годъ сочиняютъ ихъ, какъ бы его связать, а все грѣхъ есть: сукнецо съ коровьей шерстью, воднистое вино, слеглая мука и т. п.

Нечего сказать, призадумались всѣ, когда дошли до этого вопроса—гдѣ людей взять, и не знали, что отвѣчать.

Показалась Тверь съ множествомъ церквей и колоколенъ, видъ коихъ напомнилъ мнѣ разговоръ съ однимъ церковнымъ старостою:

—Бѣда, батюшка, говорилъ онъ, —если на службу къ общему дѣлу попадется такой человекъ, который не думаетъ, что отъ несправедливой обложки обожжетъ свою душу. Это значить, что уже у него совѣсть обмозолилась.

—Да какъ же узнать, у кого совѣсть обмозолилась, а у кого нѣтъ?

—Э, батюшка, обмозолившуюся совѣсть почти на лицѣ видно. Къ тому же слухомъ земля полнится. Земля вѣдь такъ и гудеть; а люди дурные всегда боится того, чего желаютъ добрые.

—Что же это такое, что составляетъ у однихъ людей желаніе, а у другихъ страхъ?

—Многосовѣтіе, вождельное, спасительное многосовѣтіе.

На этомъ мѣстѣ разговоръ нашъ вдругъ прекратился: путь до Твери былъ оконченъ, поѣздъ стоялъ у станціи. Мы вышли и, увидавъ массу людей, стоявшихъ на платформѣ, пошли въ ихъ кучки, чтобы послушать, какъ земля гудеть.

IV.

На Тверской станціи повторилось тоже самое, что и въ Клинну: тотъ же чай, и тѣ же сайки.

Продающіяся здѣсь Торжковскія вещицы принимали къ себѣ И. Г. Попандуполо; онъ купилъ башмаки и поясокъ, чтобы послать въ Николаевъ къ своимъ роднымъ. Трогательно было слышать дѣтское наліпніе души въ рѣчахъ возмужалаго моряка, когда онъ рассказывалъ, съ какимъ удовольствіемъ будутъ разсматривать его посылку въ Николаевъ.

Отъ чего же это такой грустный видъ у молодца, продающаго Торжковское шитье золотомъ по сафьяну и бархату? Вѣрно онъ худо торгуеть; спросимъ.

—Отъ чего вы не веселы, развѣ не здоровы, а торговля должна бы радовать; сбытъ вѣрно большой въ Петербургъ Торжковскихъ товаровъ съ золотымъ шитьемъ?

—Нѣтъ-съ, совѣтъ не берутъ. Тамъ Залеманы и еще разныя ихъ свойственники, не припомню прозвищъ, всѣмъ завладѣли по этой части.

—Странно, а кажется, можно бы въ Торжкѣ имѣть все за половину цѣны, и эта половина цѣны дала бы городу до полумилліона въ годъ. Что же вы не откроете магазиновъ въ Петербургѣ и Москвѣ подъ выѣсками: продажа шитья золотомъ по бархату отъ города Торжка. Стали бы много покушать: мало ли въ столицахъ нужно воротниковъ, облаговъ и шитыхъ кланановъ!

—Думали мы это сдѣлать, да смѣлости не хватаетъ: не кому насъ тамъ въ ходъ пустить.

Когда мы выехали из Твери, было уже 8 часов и было темно. Зажгли огни. Иные повели рѣчь, другие дремали. Помню, что послѣ Твери мы собрались такъ: Н. А. Бирляевъ, И. Г. Попандоуло, В. П. Соковининъ, А. Д. Скарятинъ, Н. И. Ильинъ, В. О. Тиммъ и я. Надоно сказать, что послѣ каждой станціи, мы всѣ размыщались не по прежнему порядку, а какъ случится, и это «какъ случится» всегда замыщало составъ нашихъ кучекъ и сообщало новую жизнь бесѣдѣ.

На общее желаніе узнать всѣ подробности о семействѣ Бирляева, Н. А. Бирляевъ рассказываетъ, что у его матушки четыре сына (оно третій) и 11 дочерей. У меня невольно сорвался съ языка вопросъ: «а какое состояніе?»

— «Усадьба съ землею, въ Тверской губерніи, при которой живутъ 100 человекъ крестьянъ.» Опытъ невольно высказалась задушевная мысль: великій герой—ваша матушка, умѣвшая вырастить и воспитать такую семью и съ такими крошечными средствами! Тутъ надоно было вѣчно быть на вылазкахъ противъ страшныхъ враговъ — пужды и липешей по всемъ.

При краткой остановкѣ поѣзда, вдругъ зазвучалъ заунывный звукъ Валдайскаго колокольчика. Что это значить? Станція Осташево, изъ которой взять почту въ Торжокъ; зимой порядочная дорога, а лѣтомъ проѣзду нѣтъ: 25 верстъ ѣдутъ въ дождь часовъ по сени.

Какой славный звукъ Валдайскихъ колокольчиковъ! Отъ чего же ихъ нѣтъ на столахъ и вѣдѣхъ, гдѣ нуженъ звонокъ? Да форма ихъ не хороша. Дѣло не въ формѣ, а въ звукѣ: стоило бы только дать въ Валдай модели, и тогда, повѣрьте, половина денегъ, которые идутъ за колокольчики въ магазины на Кузнецкой и Невской, перешла бы въ Валдай, такъ что его бы можно было вычеркнуть изъ всѣхъ благотворительныхъ списковъ, если онъ занесенъ въ нихъ по случаю недавно бывшихъ двухъ сильныхъ пожаровъ. Ну да если такъ рассуждать, то, пожалуй, и до того договоримся, что наши простые деревенскіе горшечники могутъ дѣлать такія же глянцаныя вазы, которыя мы покупаемъ у иностранцевъ для украшенія садовъ и платимъ за одну штуку то самое, что крестьянинъ беретъ за пять возовъ своихъ горшковъ.

— А вотъ что всего поразительнѣе, это—несообразность въ цѣнахъ въ отношеніи къ нашей производительной единицѣ.

— Какая же это производительная единица?

— Хлѣбъ, разумеется, хлѣбъ. Забѣйте несообразность: въ Тамбовѣ, Курскѣ и другихъ мѣстахъ бываетъ въ самый дешевый годъ 50 коп. четверть ржи, а въ Петербургѣ 10 р. цѣна арбузу. Значить, въ одною арбузѣ изволить скушать иной членъ благотворительныхъ заведеній, безъ угроженія совѣсти, 20 четвертей ржи, которую прокормились бы 15-ть нищихъ круглый годъ.

Вотъ и еще несообразность: цѣна за ведро посредственнаго вина 4¼ рубля; значить надоно продать 9 четвертей ржи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она по 50 коп., чтобы купить одно ведро вина! а что бы привести девять четвертей ржи на базаръ, земледѣлецъ долженъ закладывать по нашимъ неустроеннымъ дорогамъ пять телѣгъ, брать двухъ работниковъ. Спрашивается: по сколько же обойдется ему одно ведро вина?

А если такъ сравнивать, то это ужасъ, во сколько кулей ржи обойдется ложа въ Итальянской оперѣ! Теперь, когда буду сидѣть въ пяти-рублевомъ креслѣ, то непремѣнно вспомню, что сию на десяти куляхъ ржи по Тамбовской цѣнѣ.— Но такое воспоминаніе можетъ омрачить музыкальное наслажденіе: въ звукахъ голоса, напримѣръ Маріо, вдругъ будетъ чудиться стоиъ Витебскаго нищаго, какъ бы выплывающаго назадъ всю эту рожь, которая заплачена за кресло.

Отъ чего же это такая несообразность въ цѣнахъ между предметами потоваго труда и роскоши? Не надо ли искать причину этого въ чемъ либо другомъ? Не кроется ли она въ денежной системѣ? Миѣ кажется, наша денежная единица рубль серебромъ очень велика. Натурально не можетъ быть единицей то, что для половины народонаселенія составляетъ цѣлый капиталъ! Сколько найдется деревень и цѣлыхъ уличъ въ маленькихъ городкахъ, гдѣ нѣтъ ни въ одномъ домѣ рубля серебромъ!

— Какое же отношеніе можетъ имѣть эта единица къ жизни народа?

— А вотъ какое: денежная единица есть просто мѣра денегъ — все равно какъ мѣра протяженій и вѣса. Ну еслибъ унцоложитъ аршинъ и замѣнить его саженью или фунтъ пудомъ? Понятно, какое бы произошло угнетеніе для всѣхъ малосильныхъ; то же самое и крупная единица. Кромѣ этого она странно развиваетъ насъ въ графу расходовъ, а это развитіе отодвигаетъ вѣтъ наши способности отъ

изучения, как добывать приходы умом и наукою, и отъ того всё пустились хватать и панать, что попало.

— Но до введения этой единицы было другое зло — лажь.

— Возражаю на это: лажь не зло, а добро, добро, добро. Какъ добро? Трудно вкратцѣ объяснить всё стороны этого добра, но вотъ главныя: при лажѣ у насъ было множество всякой монеты золотой и серебряной, и даже много иностранной.

— Да, да, помнимъ, помнимъ Петровскіе, Елизаветинскіе и Екатерининскіе цѣлковики, Екатерининскіе имперіалы и полупимперіалы, талера и, такъ называвшіеся, любанчики. Отъ чего же все это исчезло?

— Отъ того, что лажь уничтожился, а онъ-то и охранялъ ихъ и всякую монету. Бывало откроется на какія нибудь звонкія деньги отъ банкирскихъ спекуляцій неестественное требованіе, они и поднимаются въ цѣль, какъ товаръ, а отъ этого возвышенія исчезаетъ и самая выгода въ приобрѣтеніи ихъ для вывоза за предѣлы Россіи.

Станція Спирова и остановка на 20 минутъ, — возгласилъ кондукторъ. Всё порѣшили, что тутъ не надобно ни пить, ни ѣсть, чтобы сберечь ашкетитъ для тужи, предарительно приготовленного въ Бологомъ. Чтобы не пропало даромъ время, я взялъ изъ вагона кучу мопухъ застольныхъ рѣчей и сталъ украшать ихъ надписываніемъ именъ гг. оенцеровъ и раздавать эти рѣчи на память о поездѣ въ Москву.

Послѣ того поѣхали дальше. Взмола луна и освѣтила безконечныя пустыни, облегающія желѣзную дорогу.

Не ужели эта безлюдность и пустота не оживятся въ нашъ вѣкъ людьми и дѣятельностію? Этотъ вопросъ навелъ, кажется, на причину, недопускающую развитія жизни на желѣзныхъ дорогахъ и на самый разговоръ объ нихъ. Право, странно, что въ пять лѣтъ ни сколько не заселились мѣста около желѣзной дороги: по обѣимъ сторонамъ дороги живеть же вдалекѣ народъ и по обѣимъ сторонамъ страшная глушь. Отъ чего же никто не выбѣгаетъ изъ этой глуши? вѣдь, поселясь на желѣзной дорогѣ, можно имѣть по ней все средства къ быту произведенной земли. Еще страннѣе то, что фаб-

рики не строятся: казалось бы топливо дешевле, хлѣбъ тоже, онъ могъ бы приходить на баркахъ по Волгѣ и Волхову; полицейскихъ формальностей мѣше. Отъ чего бы на многихъ прекрасныхъ мѣстополюженіяхъ не строить дачъ? Да вотъ кому еще слѣдъ жить на желѣзной дорогѣ, это мастеровымъ: печникамъ, малярямъ, столбярмъ и т. п. Они приходятъ въ обѣ столицы издалека, живутъ круглый годъ безъ семьи; въ праздники и прогульные дни, когда нѣтъ работы, по неволѣ бродятъ въ харчевни и кабаки отъ скуки и одиночества; а поселясь тутъ, они бы чрезъ нѣсколько часовъ могли быть дома, въ своей семьѣ, а при домѣ былъ бы и огородъ, и баня, и всё удобства. А еслибы поселилось тысячъ пятьдесятъ, то изъ нихъ десятая доля была бы въ вѣчномъ движеніи на рельсахъ, и тогда было бы по десяти поѣздовъ въ день, и доходы желѣзной дороги страшно бы возросли.

Мнѣ кажется, но вѣтъ землямъ, окружающимъ желѣзную дорогу, можно примѣнить пословицу: *око видитъ, а зубъ не беретъ*.

Двѣ трети земель казенныхъ, значить, лежащихъ вгустѣ и никому недоступныхъ; остальная треть принадлежить частнымъ имѣніямъ, по большей части заложенымъ въ казну, а при залогѣ налагается запрещеніе на продажу.

Ну, а если бы сказать, что вереты двѣ по одну сторону дороги и столько же по другую состоятъ подъ особымъ правленіемъ, т. е., дозволяется приобрѣтать каждому, внося сумму за частную землю въ уплату долга, если онъ есть, а за казенную въ то общество или въ казну, кому принадлежить пустая земля, словомъ, снять бы все именные шлахаумы, препятствующіе заселенію земель?

Значить, при образованіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ, надобно имѣть въ виду отведеніе полосы земли по обѣимъ сторонамъ дороги для заселенія.

Да вотъ какъ: объявите только раздачу этой земли при самомъ назначеніи линіи, то прежде устройства дороги стануть разбирать мѣста и селиться, а отъ того и рабочимъ желѣзной дороги не нужно будетъ жить въ пустыряхъ и землянкахъ и разводить тишю отъ шума и сыраго помѣшенія; — вездѣ явятся дома и харченики.

— А безъ сомнѣнія, намъ нужна дорога отъ Москвы къ Усть-Ишимю?

— Трудно отвѣчать на это, не бросивъ общій взглядъ на

иля въ Россіи. Разумѣется, для вѣрнаго опредѣленія нужны, по при-
нату порядку, свѣдѣнія о движеніи товаровъ и ходѣ промышленно-
сти, и изслѣдованія о мѣстности; но эти свѣдѣнія, какущаяся столь
необходимыми, могутъ, по ихъ страшной массѣ, нескончаемо замед-
лять дѣло и даже сбить съ толку и совершенно затемнить главный
вопросъ, состоящій въ томъ: чему быть и какъ быть.

Въ этомъ, какъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, помню всѣхъ
долгихъ и замысловатыхъ соображеній, очень полезно прибѣгать къ
пособію особой Русской науки. Эта особая Русская наука такова, что
всѣ прочія служатъ ей какъ бы только средствомъ къ развитію ея
ума, и безъ этой природенной намъ науки ничего нельзя сдѣлать.
Таковая Богомъ данная намъ наука называется: *глазомѣръ*. По это-
му глазомѣру мы видимъ, что Россія не походить ни на одно Евро-
пейское государство. Вотъ не опровержимыя доказательства несход-
ства и особенностей: въ Архангельскѣ 1-е Мая можно праздновать
катаньемъ на конькахъ по Сѣверной Двинѣ, а въ Кіевѣ этотъ день
проводятъ подъ тѣнью Украинскихъ черешенъ. Въ Оренбургской гу-
берніи въ концѣ Марта генералъ-губернаторъ однажды получилъ два
донесенія отъ одного числа съ границъ Пермской губерніи, что нѣ-
сколько человѣкъ замерло отъ холода, а изъ Гурьева, — что двоихъ
убило громомъ. Ясно, что полезное илѣ намъ вредно и вовсе не
пригодно къ дѣлу. Многія государства покрылись сѣтью желѣзныхъ
дорогъ, а это намъ не указъ: дѣло, пока не подходящее къ Русско-
му глазомѣру. Мы видимъ по немъ, что многія губерніи накроютъ
собою всю Францію и въ многіе уѣзды улягутся двѣ-три Бельгіи;
гдѣ же при такихъ пространствахъ земли дожить намъ до общей сѣ-
ти сочиняемыхъ желѣзныхъ дорогъ? Попрошимъ нашихъ дѣтей по-
мечтать объ этомъ, а теперь поговоримъ о томъ, что возможно.

Прежде всего надобно опредѣлить: гдѣ нашъ центръ? гдѣ наши
богатства? гдѣ мѣста нашего торговаго развитія?

Центры не открываются умозрѣніемъ; ихъ выработываетъ исторія.
Гдѣ привилась жизнь, куда привлекло стремиться чувство, гдѣ есть
законы нашего нравственнаго и вещественнаго бытія, — тамъ и центръ.
Ясно, что нашъ центръ — Москва, и центръ очень удачный, удачѣе
Лондона, Константинополя. Москву окружаютъ на близкомъ разстоя-
ніи два пояса губернскихъ городовъ и входятъ въ нее 24 дороги:
однѣ дороги идутъ отъ черноземной почвы, другія отъ Балтійскаго и

Бѣлаго моря, третья изъ забранныхъ губерній, четвертая отъ Волги;
а тамъ дороги изъ лѣсовъ Вологодскихъ, изъ степей Донскихъ, изъ
низменностей Прибалтійскихъ, высотъ Кавказскихъ. Зайдите въ любой
Московскій трактиръ, тамъ вы увидите за каждымъ столомъ приѣз-
жихъ съ Сѣвера, Запада, Востока и Юга Россіи. Все это означаетъ
то, что къ Москвѣ Русская дѣятельность вполне прикипѣла; значить,
для пособія ея нужно сблизить съ Москвою наши богатства. Гдѣ
они? Перечтемъ: нѣдра Урала, сопринося За-уральскія Сибіри,
произведенія Приволжскихъ степей (шеница, сало и т. п.), Каспій-
ское рыболовство, лѣсные запасы на Сѣверѣ, шерсть на Югѣ и проч.
Однимъ словомъ: къ Москвѣ, къ Москвѣ надо придвинуть Уральскій
хребтъ, моря: Бѣлое, Каспійское, Черное и Балтійское, для вывоза
по двумъ послѣднимъ произведеній Россіи за границу и для привоза
иностранныхъ. Новыя непочатыя мѣста нашей торговли: Закавказье,
восточные берега Каспійскаго моря, Оренбургскія границы. Но какъ
все это придвинуть къ Москвѣ и потомъ передать изъ нея въ Евро-
пу скоро и удобно? Строить желѣзныя дороги съ конца на конецъ
нельзя — пространства велики. Рѣшимъ по глазомѣру: намъ на первый
разъ нужно соединить наши естественныя водныя пути съ будущими
желѣзными дорогами. Полгода мы будемъ пользоваться полнымъ со-
общеніемъ, а въ остальные полгода, т. е., зимою, будемъ подвозить
по желѣзной дорогѣ къ рѣчнымъ пунктамъ все то, что нужно для
отправленія съ весны по воднымъ путямъ.

Первая дорога изъ Москвы должна быть въ Саратовъ; тогда, по-
средствомъ Волги, Урала, Кавказа, Каспійскаго моря, Персія, Турк-
менныя и Закавказье, Астрахань съ ея рыболовствомъ, шеница и
сало Приволжскія, соль озерная и прочее будутъ находиться у Мо-
сквы подъ руками, такъ что изъ самой дальней стороны Астрахани
нужно будетъ менѣе 7 дней на переездъ въ Москву. Длина этой до-
роги 600 верстъ.

Другая дорога отъ Волги къ Дону, — ниже того мѣста, гдѣ была
желѣзно-конная. Посредствомъ этой дороги придвинется къ Москвѣ
весь Новороссійскій край. Длина ея менѣе 80 верстъ.

Третья дорога для связи съ Сѣверомъ отъ г. Кинешмы на Волгѣ
къ р. Сухонѣ на разстояніи 180 верстъ.

Этими путями центръ Россіи будетъ соединенъ со всѣми отдѣ-
льными пунктами ея богатствъ и торговыхъ интересовъ.

А как передать намъ свои излишки въ Европу и получить изъ нея все то, чего неизбѣжно нужно?

Изъ Москвы уже есть дорога в С.-Петербургъ, только она ведетъ не къ морю, а въ уголь Финскаго залива; а надо проложить линію отъ мало-Вишерской станціи чрезъ забытый Новгородъ къ Балтійскому порту, который менѣе бываетъ подо льдомъ и имѣетъ покойную гавань. Длина этой дороги до 400 верстъ.

И такъ, на первое время нужно 1,260 верстъ необходимыхъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы достигнуть общей связи въ сообщеніяхъ (1).

Безъ излишней роскоши эти 1,260 верстъ можно построить съ небольшимъ на 100 мил. р. Но гдѣ ихъ взять? Возникаютъ безконечные вопросы о гарантіяхъ, займахъ и т. п. Укажу на новую статью дохода — табакъ. Эта статья въ десять лѣтъ можетъ дать 400 милліоновъ; слѣдовательно, стоитъ только установить правильную пошлину, и въ 10 лѣтъ на счетъ прихотей явятся желѣзныя дороги! Вотъ доказательства возможности. Въ Россіи есть 5 милліоновъ курящихъ. Положимъ, что изъ нихъ полмилліона достаточныхъ, два среднихъ, и два съ половиною малоимущихъ. Расположите сборъ по сортамъ табака, такъ чтобы достаточный заплатилъ до 10 руб. пошлины въ годъ, средний рубль, а малоимущій гривну. Итогъ сбора выйдетъ почтенный и ни для кого не тягостный.

Страшно, какую околесину мы дѣлаемъ теперь, возя товары каналами все лѣто чрезъ Новгородскую и Олонекскую губернію, а за чѣмъ? чтобы привезти въ такой портъ, гдѣ море замерзаетъ гораздо долѣе, чѣмъ въ Балтійскомъ портѣ!

Вся торговля восточной Европы съ Азією возьметъ направленіе по дорогѣ изъ Балтійскаго порта къ Волгѣ, какъ по пути самому ближайшему; за тѣмъ, намъ нужно много и много короткихъ линій желѣзныхъ дорогъ для связи водныхъ сообщеній; а дороги длинная, въ родѣ Черноморской и Варшавской, не принесутъ пользы, сообразной съ употребленнымъ на нихъ капиталомъ, тѣмъ болѣе, что первая

(1) Всѣ эти соображенія о желѣзныхъ дорогахъ дѣлались до отдачи ихъ иностранцамъ. Тогда намъ казалось возможнымъ выстроить ихъ Русскими капиталами, и мы соображали это дѣло на случай пріимыва насъ къ труду. Убѣжденіе въ вѣдѣшествѣ у насъ капиталомъ въ послѣдствіи громко и ослѣдительно подтвердилось убавкою въ кредитныхъ установленіяхъ одного процента. В. К.

должна идти по такому пространству, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни камня, а построеніе обойдется ужасно дорого. Однакожь я не опровергаю этимъ сужденіемъ пользы всякихъ желѣзныхъ дорогъ, но думаю, что въ началѣ должно строить ихъ по самонужнѣйшимъ линіямъ, и притомъ такимъ, чтобы съ разу способствовать развитію производительныхъ силъ всей Россіи, а не отдѣльной ея части, иначе развитіе будетъ, какъ бы сказать, не въ стволъ, а въ сукъ; отъ чего не только жизнь, а и всякое дерево принимаетъ неестественный видъ.

Много было споровъ, лѣтъ пять тому назадъ, о томъ, куда направить желѣзную дорогу: въ Феодосію или въ Одессу? тогда какъ еслибы стали строить дорогу изъ Москвы къ Черному морю, то безъ всякихъ споровъ ее нужно раздѣлить за Харьковомъ туда и сюда, т. е., и въ Феодосію и въ Одессу, ибо каждый пунктъ важенъ, хотя преимущество остается все таки за Феодосіей, по ея прекрасной гавани.

Съ заключеніемъ мира, вѣроятно, явится къ намъ много иностранцевъ для постройки дорогъ. Это будетъ полезно. Почему же полезно, когда они Россіи не знаютъ и говорить по-Русски не умѣютъ? Въ этомъ-то и заключается вся польза, что они говорить по-Русски не умѣютъ; значить, ихъ станутъ охотно слушать.

Съ незнающими Русскаго языка мы обязаны уже быть вѣжливы и внимательнѣе. Хотите доказательствъ? Я могу ихъ представить не сотнями, а тысячами.

Долго еще разсуждали о желѣзныхъ дорогахъ. Наконецъ, разговоръ сталъ прекращаться: его ослабляла дремота, и все умолкло...

Склоняясь ко сну, стало мнѣ мерещиться, что и около шоссеиныхъ дорогъ должна быть полоса земли, раздаваемая для построекъ, что отъ этого будетъ менѣе пустыхъ пространствъ, что люди изъ глуши выселятся къ дорогамъ, дороги оживятся, а войскамъ и проѣзжимъ будетъ гдѣ обсушиться, обогрѣться и заснуть въ теплѣ.

Додумавшись до сна, я почувствовалъ и самъ желаніе заснуть....

А въ смыкающихся глазахъ, кажется, что-то въ родѣ огромной карты, похожей на Европейскую и Азіатскую Россію, съ большими пустыми пространствами, на которыхъ по черному грунту написано бѣлою краскою: *въ саду гулять, травы не мять, цвѣтень не рвать*. Что такое это за мѣста, занимающія болѣе половины Европейской и всю Азіатскую Россію?

—Казенный, впускъ лежащая земля.

Далѣе ничего не помню... Вотъ что значить заснуть: все вѣдь забудешь, даже на самомъ интересномъ мѣстѣ ничего ужъ не выразишь.

V.

.....
Вѣдать и ткать, и прѣсть, и шить,
Развивавшая умъ и руки,
Вѣдать любить торги, науки,
И счастье дома находить.

Державине.

Ухъ! какъ кто-то толкнулъ меня въ бокъ и закричалъ: вставать, скоро Бологое. Къ ужину, къ ужину!

Странно: человекъ не записываетъ своихъ полусонныхъ мечтаній, а когда толкнуть его въ бокъ, то, проснувшись и очувствовавшись, всегда вдругъ все вспомнитъ. Тоже случилось и со мной. Подъ влияніемъ послѣдней мысли моей о свободной полосѣ земли около желѣзной дороги, снилось мнѣ, или чудилось, или развитіе мысли приняло ясные образы, не знаю; но вотъ что я вспомнилъ.

По всей дорогѣ мнѣ представлялась ѣзда, но только съ такими видами, какъ будто по обѣимъ сторонамъ заводы, фабрики, дачи, фермы, особые пассажирскіе домики, съ боковыми рельсами, сдѣланными у большихъ фабрикъ самими фабрикантами на свой счетъ; на этихъ рельсахъ товарные вагоны, одни съ издѣліями фабрикъ, другіе съ сырыми произведеніями, привезенными на фабрику для обработки, и, наконецъ, вѣзъ земли, облегчающія желѣзную дорогу, приведены въ прямое сообщеніе съ ней; на берегахъ Волги, Меты и Волхова видны механическія заведенія: съ нихъ выносятся на барки, частями, сдѣланные пароходы для Волги, Камы, Двины и Каспійскаго моря. Толпяся мастера, толкуютъ про какой-то главный механическій заводъ, дѣйствующій даровою силою Пнатры, называя его мѣстомъ ихъ обученія, откуда выходятъ люди и винты для дальнихъ морей. Словожъ, отъ Москвы до Петербурга спускается рѣка улица, кипящая паромъ, а поѣзды, подмазываемые уже не Американцами, а Ярославцами, такъ и свистятъ отъ безпрятственаго хода въ ту и другую сторону. И опять таже карта предъ глазами: но вѣсь черныя мѣста, гдѣ было написано *трава не мать, цвѣтокъ не раба*, обозначены

уже зеленымъ цвѣтомъ, цвѣтомъ надежды, и съ другою надписью: *трудись и дѣлай каждаго на землю и въ землю.*

Удивляясь всему, что представлялось глазамъ, долго не могъ я придумать, кого бы спросить: что значить все это, гдѣ мы ѣдемъ—городъ что ли, или улица? Не помню, кого и какъ спросилъ, но мнѣ отвѣчали, что это улица и называется *Александровскою*.

—Да ты что этому дивиться: — ты посмотрѣлъ бы, что такое среди дороги, тамъ вѣдь городъ *Александровскъ*, по имени коего и улица называется. А городъ-то назвали по имени Его, вѣдь отъ Него все оживилось и разрослось. Въ Александровскѣ пересѣкаетъ желѣзную дорогу трактъ, что изъ Вологды, оно значить, со всего Сѣвера въ Тверскіе города, Пековскіе, ну и дальше Пескова уѣдешь. Вотъ на это-то мѣсто, гдѣ теперь городъ, и вѣрно было переѣзжать изъ Валдая, Крестцовъ, и вообще изъ большого запаса разныхъ глухихъ мѣстъ; но не то, чтобы выгоняли народъ, а только повѣстили, что раздаются-де пустыя земли даромъ, не хотите ли перебраться. Разумѣется, сперва почесали затылки, кому слѣдъ ѣхать, —ужъ этимъ всегда у насъ начинается всякое новое дѣло, —да и переѣхали; все теперь кушцы богатѣющіе, все у нихъ заводы да фабрики; а вѣдь что были, какъ по сторонамъ-то сдѣлалъ? Просто слезы рукавомъ утирали!

—Что же Питерь-то теперь, если здѣсь все такъ закипѣло и развѣло, а тамъ вѣдь торговля за море!

—Нѣтъ, братъ, Питерь ни хуже, ни лучше, такой же, какъ былъ. Въ него ужъ меньше стали изводить денегъ; отъ этого и мы здѣсь развѣдѣли, а торговли за море очень мало.

—Какъ мало? отъ чего?

—Да посылать нечего.

—Какъ нечего? А хлѣбъ, сало, шерсть, кожи, ленъ, лѣсъ (1)?

—Поимъ-ка ты вотъ что: хлѣбъ нынче весь дома съѣдаютъ. Сдѣлано такъ, что его всюду довольно, вездѣ дешево; ну, а вѣдь дешеваго-то, ты самъ знаешь, нашъ мужичекъ втрое съѣстъ, дозволь только ему. Къ тому же запасъ оставленъ на случай не урожая, да не въ однихъ графахъ, а и въ закромахъ.

Сала лишняго тоже нѣтъ: едва достаетъ для себя, съ тѣхъ поръ, какъ лучины не палать, а вездѣ сѣби загли. Хорошо стало со

(1) Мысли о хлѣбѣ и салѣ принадлежатъ С. А. Хрулеву, а о кожѣ и шерсти П. В. Шенину.

свѣчками сидѣть, глаза дымомъ не жечь, слѣныхъ по деревнямъ убавилось, всякая работа по вечерамъ идетъ спорнѣе, а въѣдъ вечера у насъ дѣлому дню равны, да и пожаровъ меньше бываетъ.

Шерсти лишней очень мало стало, какъ продѣлился всѣ въ сунце. Зайди-ка теперь въ церковь, или на базаръ; не знаешь, какъ измѣнился народъ: совсѣмъ не видно стало холщевыхъ озямовъ и оборванныхъ полушубковъ, голыхъ плечъ и локтей.

Кожи тоже не наберемъ и для себя, когда всѣ стали обуваться изъ лаптей въ сапоги.

А со льномъ, братъ, чудное вышло дѣло! Вчетверо стали сѣять: за море льномъ не посылаютъ, а все не хватаетъ. Видишь, какъ разсудили, чѣмъ платить въ чужія руки 10 милліоновъ въ годъ за бумажный хлопокъ, такъ давай ткать изъ льна, а изъ удѣльшихъ-то милліоновъ и очутилась половина у Псковскихъ, Вологодскихъ и Бѣло-русскихъ мужичковъ. Чай, помнишь Витебскихъ нищихъ, что вотъ здѣсь по желѣзной дорогѣ и по шоссе жили на всѣхъ станціяхъ подаяніемъ и которыхъ всегда убрали, при проѣздѣ большихъ господъ, чтобы не портили вида. Теперь ихъ и въ поминѣ нѣтъ: всѣ сами собой убрались, голубчики, домой; сѣютъ ленъ, живутъ сыто и желтизна лихорадочная пропала въ лицѣ, у всѣхъ румянецъ появился.

А здѣсь отпущается только изъ Бѣлаго моря, а изъ другихъ морей вывозъ его строго запрещенъ: не хотятъ, видишь, чтобы наши выучата заблѣли, да бранили насъ.

— Да какъ же это прежде всѣ кричали: Россія государство земледѣльческое, ей нужна отправка хлѣба и другихъ сырыхъ произведеній за море!

— Пойми, дѣло простое: посылали не отъ избытка, ошибка была; вѣрли сочиненіямъ, переведеннымъ съ чужихъ языковъ, и отъ того дома терѣли нужду во всемъ; такъ начитались этихъ сочиненій, что сами бывало дома не дождали, голодали, а кричали: *избытки, избытки, избытки у насъ во всемъ, вывозить ихъ надо!* Все происходило отъ того, что сочиненія-то затвержили долбежкой, безъ разсужденій; а теперь, какъ стали разсуждать-то, и открылось, что прежде всего надо себя удовлетворять, а за море потребно посылать лишь то, что дома не нужно.

Вотъ, другое дѣло, видишь, вонъ фабрика — дѣлаетъ изъ Болховской кожи вѣшки для дорогъ, футляры для денегъ и сигаръ; а тутъ Тулякъ переселился и управляетъ ихъ въ сталь и желѣзо — этого

ужасно много вывозимъ за море; оно выходитъ выгоднѣе, чѣмъ сырьемъ посылать; за маленькій футлярчикъ даютъ почти тоже, что бывало за всю кожу съ быка; а кожу наши ребята тощѣ дома да сапогахъ. Да не одна эта статья, которую я сказала для примѣра, а и всѣ такъ устроены: при каждомъ издѣліи идетъ еще невидимый товаръ — трудъ многихъ людей, и за этотъ товаръ добываютъ десятка два милліоновъ въ годъ; отъ того, видишь, какъ всѣ славно живутъ. Да мало того, что всѣ славно зажили, а всѣ какъ будто измѣнились: веселѣй смотрятъ, яснѣй говорятъ, даже въ глазахъ у всѣхъ что-то другое стало, у всѣхъ сердце запырало отъ радости. Ну, въѣдъ самъ знаешь — къ сердцу всѣ жилы приведены, и когда его не цемить, то всему человѣку развязка: умъ другой, сила другая, и даже заплою совсѣмъ не слышно стало.

— Да отъ чего же теперь пошли наши издѣлія за границу?

— Сперва силой толкали: Русскаго человѣка всегда надо раскочивать. А сплу вотъ какую употребляли: установили на первое время за вывозъ издѣлій награду пошлину.

— Ничего не понимаю.

— Да что тутъ долго толковать, коли ты пустота непроходимая. Да и всего въѣдъ не перескажешь и не припомнишь; а вотъ лучше читай эту книжку, которую всѣмъ намъ роздали. Тутъ описано коротенько, да ясно все, что сдѣлалось и ради чего сдѣлалось. Ну, да читай это на досугѣ, а теперь посмотри только, что на оберткѣ написано: *Ошибки и недогадки есть удѣль человеческии дълній. Извѣстии общей пользы просить додумывать и сообщать мысли.* Вотъ какъ всѣ ребята-то поняли, что всякой можетъ о себѣ думать, и эта дума въ прокъ идетъ, такъ и начали все смекать, да смекать, да вотъ какъ досмекали до того, какъ надо свою думу притачать къ житью-бытью, такъ и вышло теперь важное житье нашимъ ребятамъ.

— Какіе ребята? гдѣ они притачиваютъ думу къ своему житью бытью?

— Ты кто?

— Ребята, извѣстно кто — мы, а смекаемъ и тачаемъ гдѣ притечетъ, то дома, то на людяхъ. Вотъ недавно кто-то указалъ такія штуки, что какъ начали ихъ устроить, то въ деревняхъ, въ глухихъ-то деревняхъ нашихъ зажили такъ славно, какъ будто Нѣмцы на молочныхъ водахъ, либо какъ купцы въ Костромѣ, когда тамъ, го-

довъ сорокъ тому назадъ, были въ ходу подолитняныя фабрики, кормившія всё село кругомъ, пока ихъ не подкосилъ придуманный въ Питерѣ въ 1823 году тарифъ.

— Да какія же это выдумали штуки?

— Въ книжкѣ все увидишь: тутъ написано все, что общимъ умомъ придумано, и даже мелочи не забыты. Недавно какіе-то проказники подали голоса—одинъ изъ Василь-Сурека, а другой изъ Бирска: изъ-за моря-де везутъ къ намъ сардинки, а мы давайте посылать къ нимъ маринованную стерлядь. Да ты не повѣршишь, какъ она вездѣ пошла за границей: просто на подхватъ, вѣдь тамъ ее нѣтъ. Другая цѣна стала теперь на Бѣлой и Сурѣ за эту рыбу. А какъ узнали, что стерлядь пошла, то стало этому завидно въ другихъ городахъ, и начали изъ всѣхъ мѣстъ откликаться. А Мненскіи кружевницы такъ и заголосили: «Безовѣстные, дайте намъ новыя машины для нитокъ, мы хотимъ плести эти кружева, которые привозятъ въ Питеръ, и за одинъ воротничекъ платятъ столько, что у насъ въ Мненскѣ на эти деньги можно купить домъ съ огородомъ!»

— А что же ты мнѣ не скажешь о томъ, кто ты такой?

— Да обо мнѣ слово короткое—послѣ скажу. А что тебѣ удивительно, что я много говорю? Мы всѣ теперь много говоримъ, за то пишемъ очень мало: не нашли проку въ келейномъ писемѣ; какъ бышь оно по особенному-то называлось? Не по Русски, отъ того и не вспомню... ну вотъ поминишь, что-то такое дѣлали со великими бумагами, затворяя въ особыхъ кѣткахъ. Эхъ, не вспомню, какъ это называлось... Скажу по своему: строганіе бумагъ. Бывало ницую бумагу разъ по десяти все строгали, и были особые строгальщики; они до дѣла не касались и дѣла не вѣдали, а только все строгали да строгали, а все выходило не то, что надобно. Бывало гладко выстрогають бумагу, да ужъ такъ гладко что дѣло-то все и сострогають; выйдетъ въ мѣръ людской Богъ знаетъ что такое: хорошо, если выйдетъ *ничевушка*; а иногда, бывало, вдругъ при строганьи задерутъ сукноватое мѣсто, и *выйдетъ такаа задорина*, что и въ толкъ не возьмешь, а исполнять надобно; ну и хлопчешь о томъ, чтобы сдѣлать хоть видъ исполненія, — а время-то идетъ, жизнь тратится, своего дѣла дѣлать нѣкогда: голова вся забита одной заботой, какъ бы подешевле вывернуться... Насилу вспомнилъ: строганіе бумагъ называется редакціей, для которой пожертвовать смысломъ дѣла ровно ничего не значило.

А вотъ теперь и о себѣ молваю: вѣдь я сказалъ, что обо мнѣ будетъ слово короткое: я, просто, Иванова; тѣду на Валдайскую станцію и везу туда новыя гвоздильныя машины для Череповскихъ крестьянъ, промышляющихъ ручною ковкою гвоздей.

— Къ какому же лицу адресовано отношеніе, т. е., бумага съ препровожденіемъ машинныхъ? Интересно бы узнать изъ этого отношенія всѣ предшествовавшія этому распоряженію причины, которыя всегда видны въ прописанной справкѣ и соображеніи.

— Отношеніе мое адресовано прямо къ дѣлу и заключается не въ бумагѣ, а въ гвоздильникѣ; а справку и соображеніе — ради чего нужно было раздать гвоздильны, нечего было долго сочинять: просто взяли два гвоздя въ руки: машинной и ручной, да и увидали, что первый дешевле и лучше, а при ковкѣ его машинною, нѣтъ нужды верочать молотъ руками и чувствовать отъ того къ вечеру боль во всѣхъ суставахъ.

— Да расскажи, пожалуйста, въ подробности: гдѣ ты служишь, какое же это вѣдомство, которое такъ печется обо всемъ, и въ которомъ есть человѣкъ, называющійся просто Иванова, — какъ оно называется?

— Изволь, расскажу. Слушай только обоими ушами, да принуждай себя понимать....

А тутъ-то и былъ толчекъ въ бокъ съ словомъ вставай. Все прервалось.

Выходя изъ вагоновъ, всѣ любовались луной; но грустно было то, что свѣтъ ея озарялъ мертвую снѣжную равнину.

VI.

Лишь только вошли на станцію Бологое, такъ и начали разсаживаться за столъ. Появилась сельника, а за нею и другіе блюда. За-столье было шумное, веселое. Въ залу набралось жителей Бологова, все похожее на Иванова, того самого, который мнѣ снился, и не усидѣлъ рассказать подробностей о своемъ значеніи. И всѣ эти Ивановы, тоже какъ-будто что-то думаютъ и хотятъ рассказать, а прилачиваются, — то вздохнуть, то затылокъ почешутъ, и всѣ они голубчики улыбаются и смотрятъ на все, вѣчно пригорюнившись.

Ужинъ былъ во вторникъ, на первой недѣлѣ поста. Постныя яствы стали заипать чаемъ. Весело и грустно было въ Бологовъ, гдѣ провели около двухъ часовъ: весело отъ того, что всѣ были въ сборѣ, а грустно потому, что этотъ сборъ былъ послѣдній. Къ утру всѣ должны быть въ Петербургъ и разъѣхаться по своимъ квартирамъ.

Съ умиленіемъ смотрѣлъ я на Черноморцевъ; мнѣ они казались памятникомъ прошедшаго и залогомъ будущаго величія; казались представителями той животворной Севастопольской минуты, въ которую они рѣшились защищаться, и которую я избралъ основою моея рѣчи 23 Февраля; казались живыми проповѣдниками славнаго Русскаго гора. Стоить только читать это горе, воодушевляться имъ, — и тогда много можно почерпнуть силы и смысла для будущаго. Съ горя и досады Русскій человѣкъ сильнѣе все дѣлаетъ, сметливость замѣняетъ ему всякую постепенность въ успѣхахъ и выноситъ его. Мы неспособны къ постоянному трудолюбію, и оно намъ какъ-то порохитъ глаза, быть можетъ, потому, что намъ еще многое надо воспроизводить, — а для того нужны вдохновенье, сила, а не одна простая рачительность. Однимъ словомъ: Русскій духъ не укладывается ни въ какую машинную точность, и даже при всѣхъ попыткахъ приучить насъ къ тому, какъ будто куда-то исчезла вся наша способность.

Мы ужинали въ послѣдній разъ, и это пришлось на желѣзной дорогѣ, а мнѣ весь вечеръ мечталось движеніе по ней. Когда налял бокалы, невольно я воскликнулъ:

«Мм. гг.! Тостъ за ожидаемое всѣми и всѣмъ намъ необходимонужное скорое устройство *полезныхъ линій* дешевыхъ желѣзныхъ дорогъ!»

Всѣобщее сочувствіе этому тосту выразилось общимъ долго, долго продолжавшимся крикомъ.

Потомъ еще тостъ:

«Безъ словъ, безъ рѣчей поднимемъ прощальный бокалъ за общее здоровье! Скажемъ другъ другу—до свиданья! Обнимемся по старинѣ!»

Всѣ перецѣловались. Раздался звонокъ; мы пошли въ вагоны и размѣстились на полчелъ. Вьюга слѣдила глаза кондукторамъ, заметая дорогу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ боковыхъ строеній, пустыя пространства быстро исчезали, и пустота ихъ наводила ту же обычную грусть....

Вотъ что значить выспаться вечеромъ, такъ уже и нѣтъ сна. Слышали всѣ остановки, подмазки колесъ. Странно, что подмазка начинается у Американцевъ всегда стучаньемъ молотковъ по осямъ и колесамъ, а стучать Русскіе парни, одѣтые въ пальто и особия фуражки съ Англійскими букавами.

Зачѣмъ же это наши паренки дали себя исказить нашивкою на фуражкѣ Англійскихъ буквъ? Но надо ихъ винить: они люди поневольные, всю жизнь маются въ нуждѣ. Приходить изъ деревни въдѣ не съ деньгами, а для заработка, и, разумеется, приходятъ въ чемъ понало, рады радехонки всякой одеждѣ, лишь бы приперлось бѣдное тѣло. Заработанную копейку надо беречь въ подати, да въ оброкъ, а то паспорта не дадутъ. Сиди дома, да обіймай свою семью съ непрекомъ отъ всѣхъ.

— А что же не спросимъ, за чѣмъ прежде подмазки все стучать?

Наконцѣ, узнали изъ разспросовъ, что надо сперва станки подъ вагонами осмотрѣть: нѣтъ ли пленокъ, нѣтъ ли скажинъ, обнаруживающихъ надломъ, а потомъ уже и масла подливать; а безъ того сколько не подливай масла, все не будетъ толку. Бойкіе парни говорили, что при ударѣ молоткомъ оказывается ослабѣвшіе винты и такія гайки, на которыхъ вся рѣзба уже стерлась; они хоть и дѣлаютъ видъ, что держатся на мѣстѣ, а фхатъ никакъ нельзя: можетъ соскочить что-нибудь, и долго ли до несчастья! Отъ того въдѣ и бывають большія бѣды—людей ранитъ и убиваетъ.

Убѣжденные этими разсказами, мы разоудали не выказывать не терпѣнія и рѣшили прекратить всѣ вопросы о причинахъ остановки. Но хоть и рѣшили прекратить разспросы, а все же мучить желаніе узнать: скоро ли поѣдемъ? Въдѣ ужасно скучно не знать, отъ чего мы не двигаемся съ мѣста, а къ тому же и сидимъ въ залерги.

Опять начался разговоръ съ смысленными Русскими молочами.

— А какія еще бывають причины остановки поѣзда; что можетъ еще обнаружиться отъ стучанья молоткомъ?

— Да бываетъ и такъ, что у иныхъ колесъ подшипники оказываются не дѣйствующими; прикипаютъ къ самой оси, да и мѣшаютъ вертѣться: не только подмоги отъ нихъ нѣтъ, а задерживають поѣздъ, дѣлаются тормазомъ?

— Какъ же это прикипають?

— Видишь, внутри подшипниковъ выкладывается медью, а медь-то

по времени стирается, тогда уже и не действуют. Это называется *вышла замычка*.

— Как же тогда ъдут?

— Для Американцев это и не новость: они люди опытные, всегда имеют запасные вещи, новыя съ мѣдью; сейчас же истертыя вонь, а другія надѣнуть и поѣдут лучше прежняго. Поѣтрите, съ новыми колесами всегда наверстаешь всякую остановку и потерю во времени.

Поѣхали, да какъ поѣхали послѣ того, какъ ни стало никакой *замычки*, т. е., какъ поступали молоткомъ по всѣмъ колесамъ и переѣмляли все истертое, просто поѣхали на славу! Такъ и подпрыгивало что-то такое въ насъ самихъ отъ удовольствія, которое мы ощутили отъ скорой и плавной ѣзды.

Было шесть часовъ утра. Солнце начало входить. Мы просыпались, оживленные его благотворными лучами. Выюги нѣтъ, погода измѣнилась, туманъ разсѣялся. Какъ разъ очутились въ Малой Вишерѣ и стали пить ранній чай. Между Вишерой и Любанью крѣпко спали. Какъ сладокъ, покоенъ и укрѣпителенъ сонъ, когда солнце входить и нѣтъ ни тумана ни *замычки*. Въ Любани опять чай.

Какое славное питье Кяхтинскій чай! А поговаривали, что его не будетъ, и мы должны будемъ пить хотя и Китайскій чай, но не Кяхтинскій, а Кантонскій, который стануть привозить къ намъ моремъ чрезъ Ливерпуль. А будетъ ли этотъ Ливерпуль брать отъ насъ за чай пшени, мѣха, сукна и проч., объ этомъ ничего не поговаривали. Быть можетъ, поправабыли о томъ, или думали, что для облегченія пересылки будемъ вывозить за чай монету. Мнѣ кажется, просто-Ивановъ, снившійся мнѣ послѣ Спирова сказалъ бы, почесавъ затылокъ: да что же это такое? Тутъ уже дѣло и не въ расчетѣ, а въ кровной обидѣ, вотъ въ чемъ. Я пью чай по 10-ти разъ въ день, и это десять-то разъ въ день будетъ мнѣ приходиться на умъ, что мы не умѣемъ сами себя добыть чаю, и какъ будто какая-нибудь малецкая земляба, живемъ чужою милостію, да и отдаемъ еще за это Сибирское золото! Нѣтъ, это нашимъ ребятамъ не понутру, больно зазорно!

Проѣхали и Любань. Выѣзжая оттуда, я объяснилъ всѣмъ дорогимъ гостямъ, что слѣдующая станція, называемая Ушаки, окружена

моей землей; тутъ стоитъ моя Русская изба, и я прошу, подѣзжая къ станціи, взглянуть въ окна съ лѣвой стороны.

Подѣзжаемъ къ Ушкамъ. Вдругъ поѣздъ останавливается. Приходитъ кондукторъ и объявляетъ, что здѣсь задержанъ товарный поѣздъ и намъ придется прождать часа два по той причинѣ, что около Тосны съѣхалъ съ рельсовъ другой товарный поѣздъ и путь не очистить.

Въ одинъ голосъ всѣ спросили: а нѣтъ ли тамъ, около Тосны, какого несчастья? И, слава Богу, получили въ отвѣтъ, что все обстоитъ благополучно, что никто даже не ушибся.

— Спасибо поѣзду, съѣхавшему съ рельсовъ. Выходитъ то, что нигода и съ рельсовъ можно съѣхать кетати.

Всѣ вышли и отправились ко мнѣ въ домъ, который отъ желѣзной дороги саженьхъ во ста. Сейчасъ же попалась намъ на встрѣчу аольнонаемные крестьяне, ѣхавшіе за нескомъ сѣнахъ на десяти. Всѣ ушлись въ эти сѣны и прѣхали ко мнѣ. Можете судить, какъ оживился домъ, когда онъ наполнился гостями изъ трехъ вагоновъ—и какими гостями? славными, чудными, дорогими!

Въ домѣ мы наши готовымъ одно только тепло, но какъ ни кто ни кого не ждалъ, то разумѣется ничего и не было приготовлено. Сразу поспѣлъ тотъ же, вѣчно неизмѣнный самоваръ съ чаемъ, пока еще Кяхтинскимъ; отсыскался Малороссійская горькая, причина грусти 30-ти Великороссійскихъ губерній, что они ее не имѣютъ; своя наливка, настоиваніе коей сопряжено съ особеннымъ пшественнымъ дѣлопроизводствомъ; отварные грибы, разрѣшаемые собирать свободно въ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ еще нѣтъ устроенаго хозяйства; хлѣбъ изъ чистой ржи, явленіе неизвѣстное въ Западныхъ губерніяхъ; первая потребность всякаго стола—соль, которую заимствуемъ мы изъ Англіи, даже для Новгорода и Пскова, и прочее. Давайте все на столъ!

Пока ходили по дому, хлопотали о скорой закускѣ, я наполнился утѣшительными мыслями, что Богъ сподобилъ меня какимъ-то случаемъ, принять у себя, въ своей избѣ, Черноморскихъ богатейрей. Називъ чарку горькаго, я сказалъ:

«Герои-соотчичи! Въ этомъ домѣ, который озаряется теперь вашимъ присутствіемъ, на этой землѣ, по которой мы ѣхали къ дому, много перечувствовано, много пролито слезъ. Вотъ изъ этого окна были видны всѣ экстремные поѣзды съ извѣстными изъ Крыма. За извѣстія эти трепетала душа всѣхъ Русскихъ людей. Я хотѣлъ бы

теперь, при видѣ васъ, въ моемъ домѣ сказать, что я сейчасъ чувствую, но не могу: избытокъ чувствъ угнетаетъ мое слово....»

Тѣмъ и кончилась моя рѣчь, затопленная слезами. Я выпилъ за здоровье всѣхъ чарку хлѣбной Русской горьляки, той самой, по которой грустятъ 30-ть Великороссійскихъ губерній.

При самомъ выѣздѣ нашемъ изъ С.-Петербурга въ Москву, я сразу вспомнилъ имена и отчества всѣхъ Черноморскихъ офицеровъ, и эти славныя имена остались въ моей памяти на всю мою жизнь. Включаю здѣсь поименованіе всѣхъ морскихъ богатырей, присутствіемъ которыхъ былъ очастливленъ мой домъ:

Николай Яковлевичъ Астаповъ.
 Павелъ Александровичъ Агутинъ.
 Петръ Пвановичъ Арищенко.
 Николай Алексѣевичъ Бирилевъ.
 Михайло Федоровичъ Блшинъ.
 Иванъ Петровичъ Балавещевъ.
 Михайло Степановичъ Бялковъ.
 Алексѣй Пвановичъ Беклешовъ.
 Николай Михайловичъ Болтинъ.
 Дмитрій Николаевичъ Ерылинъ.
 Петръ Родіоновичъ Быковъ.
 Михайло Пвановичъ Верещагинъ.
 Николай Пвановичъ Вульфферстъ.
 Григорій Дмитріевичъ Геденовъ.
 Владиміръ Дмитріевичъ Геденовъ.
 Баронъ Карлъ Александровичъ Гейкинъ.
 Константинъ Александровичъ Гирсъ.
 Константинъ Петровичъ Голенко.
 Василій Федоровичъ Давыдовъ.
 Баронъ Василій Романовичъ Дистерло.
 Петръ Любимовичъ Жерве.
 Петръ Александровичъ Зузинъ.
 Николай Павловичъ Пгнатъевъ.
 Николай Пвановичъ Пльинъ.
 Петръ Пвановичъ Псаевичъ.
 Яковъ Пвановичъ Псаевичъ.
 Оскаръ Карловичъ Кремеръ.
 Павелъ Михайловичъ Костыревъ.

Николай Николаевичъ Кузминъ-Короваевъ.
 Константинъ Андреевичъ Лазаревъ.
 Князь Павелъ Петровичъ Макустовъ.
 Ростиславъ Ростиславовичъ Мордвиновъ.
 Иванъ Григорьевичъ Попадопуло.
 Аполлонъ Пвановичъ Прибытковъ.
 Николай Егоровичъ Рабишинъ.
 Дмитрій Пвановичъ Сѣвшинковъ.
 Арнадій Дмитріевичъ Сквартинъ.
 Вароламей Петровичъ Сколозининъ.
 Петръ Пвановичъ Стенановъ.
 Сергій Алексѣевичъ Тверитиновъ.
 Маркизь Иванъ Александровичъ де-Траверсе.
 Князь Эсперъ Алексѣевичъ Ухтомскій.
 Осипъ Осиповичъ Фодоровичъ.
 Николай Кеенофонтовичъ Христофоровъ.
 Петръ Аонасевичъ Чебышовъ.
 Александръ Степановичъ Шумовъ.
 Николай Федоровичъ Юрьевъ.

Кстати здѣсь скажу, что насъ выѣхало изъ Питера болѣе, но въкоторые изъ Черноморцевъ, по своимъ служебнымъ дѣламъ, долги были ранѣе общаго отъѣзда оставить Москву, а именно:

Павелъ Александровичъ Перелешинъ.
 Федоръ Сергѣевичъ Кертъ.
 Павелъ Яковлевичъ Шкоть.
 Николай Павловичъ Манухинъ.
 Василій Пвановичъ Бурхановскій.
 Семенъ Пвановичъ Наумовичъ.

Здѣсь въ Ушагахъ, подъ вліяніемъ особой радости, пришла мнѣ мысль написать статью о возвращеніи Черноморскихъ офицеровъ съ Московскихъ праздествъ. Мысль эту я тогда же сообщилъ всѣмъ гг. офицерамъ, присовокупляя, что я помню всѣ разговоры, которые даже ночью тревожили меня и навѣвали особыя мечты. Всѣ желали, чтобъ я разсказалъ. «Пѣть, господа, разсказать теперь не могу, надо написать. А планъ статьи могу передать, потому что онъ вѣрнѣе съ событіями, которыя всѣ твердо лежатъ въ головѣ.»

Въ Ушагахъ встрѣтилъ насъ сосѣдъ мой по имѣнію, Н. В. Шеншинъ. Всѣ офицеры съ радостію поздоровались съ нимъ, всѣ съ

благодарностию вспомнили его заботливый посещеніи Севастопольскихъ госпиталей, гдѣ онъ являлся по званію флигель-адъютанта. Многие вспоминали ему тѣ минуты, въ которыя они выдѣлись съ нимъ тамъ, гдѣ закаливался Русскій духъ, на Севастопольскихъ бойнищахъ. Добрый съездъ помогать мнѣ хозяйничать. Мы поѣхали на ферму, я показалъ дорогимъ гостямъ скотный дворъ, заведенный съ цѣлю образовывать породу рогатаго скота. Оттуда отправились въ трактиръ, чтобы быть ближе къ рельсамъ. Между тѣмъ въ трактирѣ изготовили кое-что наскоро для закуски.

Послѣ закуски захотѣли, по укоренившейся у всѣхъ привычкѣ, закурить сигары и папирсы. Понадобились зажигательныя спички: гдѣ ихъ взять? Бандероль рубль съ тысячи, а тысяча спичекъ стоятъ всего пятакъ. Значитъ пятакъ никакъ не выносить рублевого налога—и отъ того спичечныхъ фабрикъ нѣтъ и бандероль никто не беретъ. Какъ же закурить законнымъ образомъ папирску? Старые способы добыванія огня исчезли, а новые затруднены и вытѣснены этимъ рублемъ. Вдругъ раздались голоса: «Человѣкъ, огня, огни!» Явилось нѣсколько людей и всѣ со спичками въ карманахъ. Добыли огня и закурили.

— Да откуда же спички? Вѣдь въ лавкахъ не продаютъ. За это подѣ сулъ унекутъ, и такія бѣды будутъ, что и подумать страшно. Кто-то отвѣтилъ: покупаемъ изъ-подъ полы въ сумерки.

— А знаете ли что? Еслибѣ обложить тысячу спичекъ вѣсто рубля тремя копейками, тогда бы завелись фабрики, стали бы продавать спички открыто во всѣхъ лавкахъ, не дожидаясь сумерекъ; а этотъ трех-копѣечный сборъ составилъ бы въ 10-ть лѣтъ столько, что на него можно бы построить желѣзную дорогу, напримѣръ изъ Москвы къ Западной Двинѣ, такъ, чтобы Рига съ моремъ была какъ бы подъ Москвою, да и въ Бѣлорусіи голодь навсегда бы исчезнула.

— А какъ же у насъ говорятъ, что нѣтъ капиталовъ и что за этимъ останавливается постройка желѣзныхъ дорогъ?

— Да вѣдь это говорятъ тѣ, которые не знаютъ насъ, а мы ихъ не вѣдаемъ. Капиталы въ народѣ, все равно, что рыба въ водѣ: ловится тогда только, когда сѣти хороши, да кочеры нѣтъ.

Приближалось время отъѣзда: оканчивался завтракъ, докуривались сигары, дошивался чай, превращалась бесѣда. Среди минутной тишины я предложилъ тостъ за всѣми любимого и уважаемаго генерала

Хрулева. Не возможно описать, съ какимъ восторгомъ былъ всегда принимаемъ этотъ тостъ всѣми морскими офицерами. Многие стали разсказывать съ жаромъ случаи безпримѣрной храбрости и распорядительности С. А. Хрулева. Умилительно было слышать привязанность морскихъ богатейрей къ Степану Александровичу, привязанность сердечную, основанную на личномъ удостовѣреніи въ его находчивости, предусмотрительности, храбрости и умѣнью привязать къ себѣ всѣхъ.

Потомъ еще тостъ: «Гг! Мы находимся на землѣ Новгородской, имѣющей помѣстье князя Васильчкова; а въ помѣстьѣ этомъ крестьяне управляютъ по старинному—мирскимъ ходомъ, и живутъ тепло, сытно и весело! Выпьемъ здѣсь заздравный бокалъ за здоровье князя!»

Грануло ура! и потомъ начались разсказы о храбрости и душевной теплотѣ князя Виктора Пларіоновича.

Опять новый тостъ:

«Почтимо славное присутствіе духа и ни чѣмъ не устрашаемую стойкость ума, всегда готоваго смотрѣть въ очи смерти и изобрѣтать въ своей головѣ въ тоже время новыя мѣры для обороны...»

Все общество воскликнуло: «Здоровье Тотлебена!» Не дали договорить это славное имя словами, а единодушно подсказали общимъ движеніемъ сердца.

За тѣмъ отрадно вспоминали о дѣйствіяхъ Шеншина въ госпиталѣхъ, и выжили за его здоровье.

Но пришлось сказать пора вѣхать. Явилась охота вымолвить что нибудь при разставаніи.

«Господа! Нѣтъ, господа—не выразительно,—вотъ такъ: Черноморцы, Севастопольцы, Всероссийцы! Позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ, послѣднихъ уже на нашемъ пути. Не ждите отъ нихъ никакой связи: скажу то, что оторвется отъ сердца: близко разставанье. Выпьемъ этотъ послѣдній бокалъ! Чего пожелать? Да обновится Русскій человѣкъ новою привязанностию къ Россіи и всему Русскому!»

Въ кружкѣ провавшихся загремѣли громкія повторенія: да обновится... да обновится... да обновится... Русскій человѣкъ!

«Да вѣтся онъ, дома и во всей Европѣ, самобытенъ и самостоятеленъ! Да ознаменуется новый періодъ Русской жизни, періодъ Севастопольскій, проявленіемъ смиренно-мудрѣя, создающаго пишущую,

непризрачную силу! Да возсияет свѣтъ Русскаго смысла въ начальствующихъ и начальствуемыхъ, вездѣ и во всемъ, и да забываетъ онъ насъ отъ всякаго спотыканія, неизбежнаго во тьмѣ безсознательнаго чужелюбія!»

Опять возобновились повторенія: да возсияетъ свѣтъ... да возсияетъ свѣтъ... свѣтъ... свѣтъ!

«Бю вамъ челоуъ и желаю всякаго блага и удовольствія духа!»
Ура, ура, ура, безконечное, сердечное ура!

Послѣ того все разбѣтлится и похлали. Мелькнули станціи Тосна, Саблино; а между Саблиннымъ и Колиннымъ побѣздъ сталъ спускаться съ Пулковской возвышенности въ Прибалтійскую низменность. Мы вышли на балконъ, чтобы увидѣть Петербургъ; тутъ вѣсто открытое, можно видѣть далеко. Что же оказалось? Вдали видѣлся одинъ туманъ, висѣвшій надъ всею видимою Прибалтійскою низменностью; а въ концѣ ея, тамъ, гдѣ уже самая низжайшая низменность, гдѣ нѣтъ материка, и одинъ только наносный пѣлъ, туманъ былъ еще гуще и сфривидите, и заслонялъ собою Петербургъ отъ солнечныхъ лучей. Прїѣхавши въ Колино, мы ощутили уже присутствіе Петербургскаго тумана, наполненнаго сыростью и запахомъ гнилаго погребя. Дорога отъ Колина въ особенности грустна лѣтомъ: по обѣимъ сторонамъ видны одни только тощія кустики, какіе-то жалкіе пелюстки, которые, выказавшись изъ земли и не находя себѣ питанія ни въ почвѣ, ни въ воздухѣ, остаются всегда въ своемъ чаломъ положеіи.

Въ 5 часовъ по полудни мы были уже на Петербургской станціи. При вѣздѣ въ Петербургъ, на разставаніе и прощанье, все вспомнили о Москвѣ, оборотились въ ту сторону, гдѣ она, матушка, стоитъ, и отдали ей поклонъ.

Послѣ этого умилительнаго поклона наступила та безмолвная минута, которая украшаетъ собою всякое теплое разставанье. Въ это время ощущается какал-то тревога въ душѣ каждаго, производимая желаніемъ сказать сильное слово на память о разлукѣ. Такое слово всегда входитъ само собою безъ сочиненія, а прямо изъ тайниковъ душевныхъ.

По минованіи краснорѣчиваго безмолвія, вотъ что сказали Севастопольцы, обращаясь другъ къ другу:

— Когда-то опять будемъ все вкуше? Гдѣ это будетъ? Какъ это

будетъ? Теперь каждый изъ насъ пойдетъ въ свою сторону, по особому пути, какъ въ жизни, такъ и въ службѣ!

А мы мирные Русскіе граждане, громко заявляемъ вамъ, славные Севастопольскіе Всероссийцы, наше единодушное желаніе направить себя на вашъ Севастопольскій путь, т. е., на путь самозабвенія о себѣ въ дѣлахъ общей пользы, съ цѣлю искать на немъ истины.

Въ такомъ родѣ были послѣднія, перелетавшія изъ души въ душу слова, закрѣпляемая прощальнымъ цѣлованіемъ и искреннимъ рукопожатіемъ.

Замѣчу еще вотъ что: прїѣхали все, слава Богу, здоровы, никто не простудился, — какъ будто вѣхалъ одинъ челоуъкъ, ежминутно наблюдавшій за собою.

На другой день многіе изъ гг. офицеровъ удостоили меня своимъ посѣщеніемъ, а въ теченіи двухъ-трехъ дней, я имѣлъ счастье видѣть у себя всѣхъ. Какъ отрадно было встрѣтить П. А. Перелешина и Ѳ. С. Керна, украшенныхъ Георгіевскими крестами на шеѣ, которые они получили за отраженіе приступовъ, командиръ отдѣленія 4-мъ и 5-мъ, подъ личнымъ начальствомъ С. А. Хрулева. Еще отраднѣе было слышать то, что они сказали, обращаясь къ портрету С. А. Хрулева: «Безъ него мы бы не получили этой награды. Онъ ведь насъ къ славі. Дай Богъ ему здоровья!»

Потомъ я похлалъ ко всѣмъ героямъ, видѣлъ жилища ихъ, видѣлъ ихъ бытъ, видѣлъ близки, что это за люди. Вы ждете отъ меня на это слова, — вотъ оно: *въ смиреніи ихъ вознесется рогъ нашъ.*

Смотрите, какъ онъ возносится! Что было въ Москвѣ? Славою всѣхъ Севастопольцевъ и Закавказцевъ славилась вся Русь, славилась наша вѣкъ.

Много было перечувствовано въ Москвѣ, много тамъ было такихъ минутъ, въ которыя просвѣщались сердца, возвышался духъ и обновлялось все грѣшное существо наше чистотою теплыхъ слезъ.

Какъ же опредѣлить значеніе всѣхъ Московскихъ празднествъ?

«И горе было наслажденіемъ,

«Святыхъ остаткомъ прежнихъ дней.»

Вислій Гокоревъ.